

Название

Иван Константинов

Имя автора
Дорога мертвых

Ее зовут Мириам – и она мертва. Как мертвы и ее друзья, проигравшие свою последнюю битву против механических ангелов, спустившихся с небес. Но что значит смерть в мире, уже не раз сожженном атомной войной? Теперь ей предстоит узнать, какая сила правит призрачными городами, и древними развалинами, затерянными в песках. Армия рейдеров уничтожена – но враг, стоящий за ней, не повержен. И дороги мертвых ведут к нему, через призрачные селения и пустыню, лагеря цирков и новые битвы – к сияющим стенам Крепостей и трону Короля дорог.

Данная книга является частью цикла «Стальная бабочка», в который входят следующие книги:

1. «Стальная бабочка, острые крылья».
2. «Ястреб в огне».
3. «Дорога мертвых».
4. «Крепость лжецов».
5. «Разбитые звезды».

Copyright © 2012 Ivan Konstantinov

Часть первая.

Глава I.

I.

Мириам плыла в темноте, слегка покачиваясь, и холодный ветер, пахнущий сырой землей, касался ее лица.

Больше она ничего не чувствовала – плеч, рук, ног. Только ресницы, трепещущие от холода, и движение вперед, в неизвестность.

– Почему я еще дышу? – Голос Арго прозвучал совсем рядом, сверху.

– Без дыхания ты не смог бы идти. – Ответил другой голос, ровный, красивый, но совершенно лишенный интонаций.

Нечеловеческий.

– Я не о том. У меня пробиты оба легких, дыра в печени, две иглы рядом с желудком...

– Еще четыре в плече и две в бедре.

– Ага, и я разбираюсь в ранах. Я покойник, так почему иду и дышу?

– Ты идешь потому, что она приказала тебе идти. Дышишь потому, что она закрыла твои раны, и остановила кровь.

– Она? И кто она такая?

– Что она такое...

Голоса замолчали.

Мириам попыталась пошевелить пальцами, согнуть ноги – но их не было. Только память

о них висела в черной пустоте, разрозненная и медленно растворяющаяся. Она попыталась повернуть голову – но и это не удалось, затылка она не чувствовала, только лицо. Глаза.

Они еще подчинялись.

Веки поднялись, сразу, будто металлические створки. Ей показалось, что она услышала щелчок – и окружающая темнота расцвела пульсирующим синим узором.

Она двигалась по коридору... нет, ее несли, и она смотрела на него сбоку. Узор бежал мимо, вдоль стен – соединения квадратов и кругов, переплетающиеся в сложную сеть. Толстые синие жилы пульсировали в неровном ритме, пропуская через себя огоньки, мечущиеся по фосфоресцирующему лабиринту, сталкивающиеся в коротких ярких вспышках. Она видела лицо Арго, совсем рядом, сверху, с его металлическими заплатами, отражающими синий свет, и еще одну фигуру, идущую рядом с ним – непроницаемо-черную, бесшумную. Синие вспышки тонули в ней, будто в вязком черном омуте, освещая только ее ношу – руку в армированной металлом перчатке, черноволосую голову, безвольно лежащую на плече, бледное лицо с закрытыми глазами.

Би.

Их несли по светящемуся коридору, навстречу ветру, пахнущему мокрым бетоном, но Мириам почему-то не было страшно – происходящее напоминало сон, который, казалось, мог прерваться в любой момент.

– Они живы? – Снова спросил Арго.

– Они еще не мертвы.

– Ты хочешь помочь им?

– Она им поможет.

– Она может их вылечить?

– Она может собрать их заново.

В стенах коридора начали попадаться двери – прямоугольные проемы, закрытые металлическими створками на массивных механических петлях. Узор продолжался и на дверях. Некоторые были распахнуты, и в проплывающих мимо помещениях Мириам с удивлением разглядела обычную мебель – столы, шкафы, стулья, затянутую пульсирующими синими жилами, точно паутиной. В нескольких комнатах мелькнули человеческие скелеты – светящиеся синим, в истлевших лохмотьях, они лежали на полу, или сидели на стульях, будто ожидая чего-то.

– Что это за место? – спросил Арго, словно читая ее мысли.

– Когда-то это была военная база. Затем – лаборатория. Теперь у него нет названия, и оно – лишь одно из многих.

– Куда мы идем?

– Уже недалеко.

Коридор закончился внезапно, распахнувшись в огромный зал. Узоры на потолке парили на недостижимой высоте, разбегаясь по поддерживающим его бетонным аркам. Целая анфилада таких залов открывалась впереди, освещенная рядами овальных светящихся капсул, утопающих в переплетении мерцающих кабелей и трубок на полу. Чуть наклоненные к проходу сложными металлическими опорами, они испускали свет, как сильные фонари – и в каждой из них лежал человек.

Неподвижные, словно спящие люди заполняли проплывающие мимо саркофаги – мужчины и женщины в черной форме, бледные, со слегка светящейся кожей.

– Это место мертвых. – Заговорила тень, несущая Би. – Когда-то я был одним из них.

Они не должны были умереть, здесь можно было спать сотни лет. Но они больше никогда не проснутся.

– Сколько их здесь?

– Тысяча четыреста тридцать два.

– Выходит, ты знал их?

– Они – это я.

Видимо, непонятный ответ поставил Арго в тупик, и дальше они шли в молчании. Залы с саркофагами тянулись дальше, и в каждом, пульсируя вместе с жилами на стенах, мерцал синий свет.

Последний зал отличался от остальных. Саркофаги, расставленные здесь вдоль стен, пустовали, а посреди зала, перед парой массивных металлических дверей, возвышались столы – прямоугольные блестящие плиты с бетонными основаниями. Их было три, установленных странно – треугольником, углом к углу. Над ними, уходя в темноту под сводами, нависали сложные конструкции из проводов и гибких сочленений, покрытые, словно разрисованной тканью, мелким и плотным синим узором.

– Здесь. – сказала тень. – Положи ее на стол.

– И что дальше? – Спросил Арго, не торопясь выполнять ее приказ.

– А потом мы уйдем.

– И оставим их здесь?

– Да, им понадобится время. – Тень аккуратно уложила Би на ближайший стол. Та не шевелилась, и, кажется, не дышала.

– Она не сделает им ничего плохого?

– Нет.

– Почему?

– Потому что они – ее дети.

Плита медленно приблизилась, и Мириам увидела над собой переплетение разрисованных проводов и шарниров, похожих на тонкие худые руки.

– Ни черта не понимаю. – сказал Арго в стороне. – А меня оно залатать не хочет?

– Тебя позже. Ты же не хочешь, чтобы с ними что-нибудь случилось?

– Нет.

– Тогда пойдем. Они не захотят, чтобы мы смотрели.

– Пойдем. Нам с тобой стоит серьезно поговорить.

– Конечно. Можешь звать меня Джон.

Голоса отдалились, но Мириам почему-то не чувствовала себя в одиночестве. И дело было не только в Би, лежащей рядом. Все вокруг, каждый фрагмент узора на стенах и светящихся устройствах на потолке, медленно приходящих в движение – был живым. Их цвет, висящий в воздухе, заполняющий все вокруг, казался знакомым. Чем-то, что Мириам видела или встречала много раз, но сейчас просто не могла вспомнить. Провода и тонкие механические руки спускались вниз, и с каждым их движением ей становилось все спокойнее. Тонкое светящееся лезвие прошло над застежками бронежилета, и рассекло их – легко, будто бумажные. Множество проводов двигались сами по себе, прикасаясь к ней, осторожно забираясь под одежду – но она не чувствовала их касаний. С каждой секундой ей становилось все спокойнее, все легче. Глаза закрывались сами собой, и последней мыслью, которую она еще успела осознать, был один, очень простой вопрос:

– «Кто же такая Она?»

Интермедия I.

Клод смотрел на список имен, и ему хотелось закричать.

Ударить по холодной поверхности контактной панели, проломив хрупкий пластик, и вырвать скрывающиеся под ним оптические кабели данных. Оторвать ее, и швырнуть в основной экран, висящий посреди операционного зала.

Хотелось сделать хоть что-то, обернуть время вспять. Пальцы, касающиеся панели, вспотели. Он медленно провел рукой по лбу, и вздохнул.

Зал молчал. Операторы прекратили переключку, ожидая его команды. Имена на главном экране, и на оперативном конструкторе, висящем в бесконечном пространстве перед Клодом, продолжали мерцать красным.

Ким, Альмейде, Джонсон, Романов, Хаттори, Крылов, Лейн, Гауди. Операторы восьми комплексов «Сераф», двое из сопровождения, и шестеро из группы быстрого реагирования.

Мертвы.

Просто маркеры, из синих ставшие черными. Но эти маркеры он знал в лицо, и перенести их потерю оказалось тяжелее, чем он думал.

Предсказатель глубоко вздохнул.

– Шаттл. – Сказал он.

– Связь восстанавливается, значительные помехи. – Отозвался ближайший оператор. –

Пилот запрашивает разрешение на взлет.

– Гибсон и Нагато. У них есть еще один «Сераф».

– Да, сэр.

– Когда связь восстановится, Нагато должен использовать его, и продолжить погрузку.

Данные по магнитному полю уже поступили?

– Нет, в течении двух минут.

– Сразу подключайте меня.

– Сэр, но если Нагато выйдет...

– Это приказ! Завершить погрузку! И мне понадобятся съемки этого места, как можно ближе. Оперативные данные с «Серафов»?

– В обработке, десять секунд.

– На меня, вывод на главный экран.

Всплывший на краю поля зрения красный иероглиф опередил предвидение Клода на несколько секунд – с недавнего времени Конклав Предсказателей пристально следил за его действиями.

– Статус операции, предсказатель?

– Завершается. Имеются непредвиденные потери.

– Непредвиденные? Странно слышать это от вас.

– Да. Вы предупреждали меня, что опасность может оказаться больше, чем я рассчитывал.

– Трех могло не хватить, но восемь комплексов...

– Целью операции была ликвидация одной угрозы, и обнаружение другой. Цель достигнута, сейчас я занимаюсь анализом данных.

Иероглиф мигнул.

– То есть, несмотря на потери, операция завершена успешно?

Клод с трудом подавил желание сжать иероглиф в руке и раздавить, как ядовитое насекомое.

– Да.

– Хорошо. Мне хотелось удостовериться в том, что вы понимаете – цель, поставленная вам, гораздо важнее, чем возможные потери. Любые потери, Предсказатель. Вы меня понимаете?

– Да, командор.

Иероглиф исчез, но присутствие командора, следящего за происходящим в оперативном зале, осталось – Клод чувствовал его, как некую постороннюю задержку в потоках данных.

– Записи штурмовой группы прошли реконструкцию.

– Выводите.

Новый конструктор развернулся поверх старого, добавляя в картину новые детали, переданные с вычислительных комплексов десантных «Серафов» – видео с внешних камер, данные теплового сканирования, гироскопов, оружейных комплексов и систем управления двигателями. Старый космодром ожил, и словно вздохнул, расширяясь.

– Где данные диагностики? – Спросил Клод.

– Они не входят в стандартную развертку.

– Сделайте нестандартную, пустите параллельно когда закончите. Запускайте поток с точки пересечения периметра плюс десять секунд.

Конструктор снова вздохнул. Сместились тени, стремительно потек песок. Взлетели вверх бетонные плиты, восстанавливая взлетное поле, и рядом с биоконтейнерами возникли две белых фигуры – Крылова и Лейн, помеченных синими маркерами. Прошлое, превращенное в последовательность трехмерных картин и строк информации.

– Четырнадцать, передаю. – Говорит Лейн. Запись дублирует ее голос стенограммой, бегущей параллельно конструктору, в другом пространстве. Лейн еще не видит ракет, хотя система реагирования «Серафа» уже засекала стремительно приближающиеся источники тепла. Пройдет еще две десятых секунды...

Клод повернул проекцию. Ракеты – примитивные снаряды с дистанционным управлением и химическими двигателями, – описывают правильные дуги, заходя в мертвые зоны зрения «Серафов», со спины. Мертвые зоны – для операторов-людей. Электроника реагирует гораздо быстрее, но траектории, рассчитанные ей за доли секунды, не ведут к столкновению – ракеты запущены не в «Серафов».

Предсказатель сдвинул проекцию дальше, на три секунды, когда взрыв ракет, создав стремительно растущий шар горячего воздуха, заставил обоих десантников повернуться в его сторону. Лейн инстинктивно закрывает рукой головной модуль «Серафа», Крылов приседает, принимая на себя взрывную волну, и начинает поворачиваться, но его тепловые сенсоры бесполезны – в пылевой волне невозможно различить следы ракет, или увидеть движок боевой машины, приближающейся с востока.

– Отличное тактическое планирование. – Сказал Клод, и сдвинул диаграмму дальше: бронированный кар бьет штурмовой комплекс Крылова по коленным сочленениям, опрокидывая его навзничь, и спустя две с половиной секунды пилот кара оказывается на плече у комплекса Лейн.

– Это... человек? – спросил кто-то из операторов в зале внизу, рассматривая реконструкцию, замершую на основном экране: существо в покрытой пылью

металлизированной броне, распрямляющееся в невероятном усилии. И вывернутый вверх головной модуль «Серафа», со сломанным шейным шарниром и порванными гидравлическими шлангами.

– Оно... просто сломало его.

– Это она. – Сказал Клод, и реконструкция обрела глубину. Отчетливо-женская фигурка на плече «Серафа» выпрямилась, и взглянула прямо в экран запыленными ассиметричными линзами. – Наш красный маркер.

– Разбила два «Серафа»?

– Прайм, боевой предсказатель. Помните, мы отдали в Крепости технологию прайм-линка, потому что предположили, что ее не смогут использовать? Они нашли ей применение. Боевое. Их предсказатели почти не видят будущее – но отлично рассчитывают тактические ситуации, и реагируют намного быстрее человека, особенно, если у них под рукой соответствующая техника с возможностью прямого подключения. Видите ее маску? Она видит в трех электромагнитных диапазонах, а костюм – это компенсационный экзоскелет. Который они тоже переделали – при соответствующей синхронизации он может значительно увеличивать физическую силу, а псевдомышцы, уплотняясь, защищают от игл...

– От сверхтяжелых сердечников не защищают.

– Нет, не от них. – Подтвердил Клод, и проекция снова задвигалась. Крик Лейн повис ярким набором знаков на стенограмме. Джонсон, скрывающийся за опорами корабля, под маскировочной сетью, открыл огонь из консольных стрим-ганов – не прицельно, реагируя на крик, следуя траектории кара, уже скрывшегося в тепловом облаке взрыва. Четыре десятых секунды спустя из главного калибра выстрелил Альмейде – один раз, целясь между «Серафами». Вольфрамовый снаряд вонзился в торчащую из посадочного поля бетонную балку, прошив ее насквозь.

Затем реконструкция вздрогнула.

– Данные по магнитному полю готовы? – Уточнил Клод.

– Переданы в реконструкцию.

– Объединение.

Объемная картина, демонстрирующая взаимодействие магнитных полей на космодроме, проступила из-под картины бетонных плит, проваливающихся в черную пустоту – зеленые пики, образующие правильную сеть вокруг разрыва, поднимающиеся и исчезающие в течении долей секунды.

– Вот оно. – сказал Клод. – Поле обрушили не мы.

– Электромагнитный импульс, сэр? Но это не взрыв, и его мощности не хватило даже для того, чтобы создать помехи «Серафам».

– Мощность ни при чем. Структура. Что бы это ни было, оно разрушило связи между плитами поля за доли секунды, а магнитное поле – лишь побочный эффект, след. Но теперь мы знаем, что искать. Дайте мне развертку по региону, радиус триста километров.

– Готовность одна минута.

Космодром на реконструкции продолжал проседать, плиты обрушивались под землю одна за другой, образуя узкий прямоугольный провал. «Серафы» Лейн и Крылова рухнули туда первыми, их край поля ушел вниз, и с противоположной стороны космодрома по нему тяжело заскользил еще один кар – квадратный бронированный грузовик.

– В машине еще два человека, сэр.

– Да, у меня есть данные. Это не важно.

– Он даже не вооружен, что они хотели...

– Это очевидно. Они не знали, зачем нам нужны дети, и хотели их спасти. Иначе прайм стреляла бы прямо в «Серафов», и биоконтейнеры оказались в зоне поражения.

– Спасти, сэр? От нас?

Клод грустно улыбнулся.

– Да. Более того, она не собиралась убивать ни Крылова, ни Лейн.

– Но они...

– Продолжайте реконструкцию.

Тревожная переключка повисла над черным провалом – короткие фразы на стенограмме, обозначенные разными цветами. Лейн, Крылов и машины нападавших пропали из вида. К разлому устремились «Серафы» взвода поддержки, расставленные у корабля и в развалинах на краю поля. Двигатели воздушного маневра вспыхнули красным на термической картине реконструкции, но внизу, в холодном пылевом облаке, окутавшем провал, ничего не двигалось.

– По историческим архивам до сих пор нет результатов? – спросил Клод, рассматривая трехмерную карту огромного зала, лежавшего под космодромом все это время. Нечто вроде ряда ангаров с разрушенными перегородками и остатками разобранных на части кораблей.

– Нет, сэр, последние данные по базе датируются...

– Я знаю. Реактор базы давно мертв, все помещения законсервированы и закрыты, верно?

– Все данные по комплексу были уничтожены в ходе Второго глобального конфликта. Источников энергии под поверхностью не обнаружено.

– База располагала собственным термоядерным реактором?

– Да, он был законсервирован в общем порядке, и, видимо, отработав резерв топлива, остановился...

– Значит, что бы это ни было, в реакторах оно не нуждается. – Клод сдвинул диапазон видимости, и реконструкция засияла огнями. Подземный ангар, разделенный на ровные секции титаническими столбами, освещался сложными узорами, бегущими по полу и стенам. Лабиринт из квадратов, прямоугольников, и тонких прямых линий напомнил Клоду древние печатные схемы. Реконструкция замерла, и несколько долгих секунд он рассматривал узор, повисший в двумерной развертке отдельно от общей картины.

– Ультрафиолет, слабый свет, и магнитная активность. – тихо сказал он. – Как получилось, что мы раньше этого не видели?

– Сэр, электроника «Серафов» не реагирует на настолько слабое возмущение, а сканирование сквозь два метра железобетона не выявило...

Клод тихо рассмеялся.

– Слабые? Магнитные возмущения, генерируемые человеческим мозгом, еще слабее. То, что мы видим, имеет структуру, логику построения, а значит – и цель.

– Цель? – Красный иероглиф снова вспыхнул, на этот раз – в центре реконструированного узора. – У вас достаточно данных для определения цели этих... конструкций?

– Пока нет, но данные по магнитным возмущениям фиксируют узлы. – Узор свернулся, и его место заняла карта пустыни, с наложенными на нее линиями. Точно карта каналов, пролегающих под песком, с центрами-звездами, грандиозная невидимая сеть, загорающаяся и гаснущая. – Вспышка активности на поле – проявление всей этой системы, и она

позволила нам увидеть ее центры... нервные узлы. Ближайший – вот здесь, сразу за старой Атлантой, а вот здесь, в Хоксе, еще один, с более сложной структурой.

– Разве под Хоксом есть подземные сооружения? В исторических архивах нет таких данных.

– Эти точки не под землей, картинка не была бы такой чистой. Они на поверхности, на первом объекте – скопление слабых узлов, в Хоксе – один очень мощный.

– Маломощные передатчики?

– Да, командор, своего рода. Если моя гипотеза верна – то это люди.

Знак вздрогнул, ритм его пульсации нарушился – словно интенсивный процесс вычислений отвлек часть энергии от передачи.

– Это меняет все... и ставит на свои места. Успех операции очевиден, даже если вы потеряете шаттл. Продолжайте.

«Серафы» обрушились на пол зала вместе с сотнями тонн бетона. Развертки технических данных, оживших по приказу Клода, окрасились в красный – поврежденные гидравлические системы, разбитый шарнир и наполовину оторванный головной модуль доспеха Лейн, сломанная оружейная консоль Крылова, заклинившая в одном положении. Падение прервало атаку прайма, и Клоду пришлось развернуть реконструкцию, чтобы снова увидеть вблизи красный маркер – как она отталкивается от края падающей плиты, прыгая навстречу ближайшему опорному столбу, скользит вниз вдоль него, и снова прыгает, уже в трех метрах от земли, уходя от обвала и гася скорость. Ее машина падает следом, недалеко от Крылова, врезается в бетон и остается стоять вертикально, поддерживаемая обломками. Системы наведения «Серафа» Крылова, сбитые с толку сменой обстановки, тратят почти секунду, чтобы опознать ее и навестись, но Крылов запрещает вести огонь, и пытается разложить вторую, заклинившую, консоль. Сердечный ритм Лейн растет. Ее поле зрения резко ограничено, электроника рекалибруется в ответ на поломку головного модуля, но Лейн мешает этому, задевая его в панических попытках встать и сбросить с плеча прайма, которой уже давно там нет. Которая использует эти секунды, чтобы обойти «Сераф» Крылова, волоча по полу многокилограммовый обломок железобетона...

– Нагато на связи, сэр.

– Статус?

– Связь в месте разлома не функционирует, передача данных невозможна – похоже на металлизированную пыль, поднятую взрывом. Внизу есть признаки жизни, возможно, это десантники из штурмовой группы. Противник не обнаружен, но...

– Статус биоконтейнеров?

– Они не повреждены, сэр.

– Эвакуировать выживших из штурмовой группы, затем поднять контейнеры. Гибсону оставаться в корабле.

– Но сэр, всю штурмовую группу...

– Если бы они хотели уничтожить корабль – то сделали бы это в тот момент, когда нарушили связь. Но они не интересовались даже контейнерами... в отличии от нее. – Клод приблизил фрагмент реконструкции – прайм, обрушивающая обломок арматуры на головной модуль «Серафа» Крылова. – Она заметила слабое место в подготовке десантников, или у нее просто не было выбора... Данные по диагностике штурмовых комплексов прибыли? Включайте в реконструкцию.

– Она ненавидела нас, сэр? – спросила третий оператор, до сих пор молчавшая. –

Почему? Мы... забрали ее ребенка?

Вопрос повис в тишине, наполнившей зал. Клод вынырнул из недр конструкта, и несколько секунд смотрел на оператора, ее электронный профиль – Лиза Линг, двадцать два, десант, разрешение для действий на поверхности, лейтенант, повышена до боевого аналитика.

– Я не анализирую... ненависть. – Сказал он медленно. – Но не думаю, что ее собственного ребенка.

– Простите, сэр.

– Не за что. Мотивация – это хороший вопрос. Косвенные данные указывают на то, что наш красный маркер – прайм-лейтенант Ребекка Ли Андерсон, последние два года числящаяся в отставке, и погибшая в Чикаго около тридцати дней назад, вместе со всей своей семьей. – Фрагмент конструкта перед Клодом развернулся, приближая фигурку в покрытой пылью броне. – Ее ребенку было восемнадцать месяцев, Лиза, так что вы не угадали... но в вашем предположении есть смысл.

– Да, сэр?

– Ненависть... это не только мотив, но еще и способ действовать.

– Вы полагаете, что это она уничтожила группу?

– Системы наведения зафиксировали восемь попаданий в нее из младшего калибра и тепловое пятно, характерное для массивной кровопотери. Нет, она человек, как я или вы... – Клод развернул данные диагностики штурмовых комплексов на одном из боковых экранов. Крылатые фигуры заняли его целиком, а затем начали гаснуть, одна за другой. – А вот то, что пришло за ней, действительно уничтожило восемь «Серафов» за неполных тридцать секунд...

– Сэр, но сбор конструкта еще не закончен...

– Мне достаточно и данных диагностики. Вычислительные элементы «Серафов» распределены таким образом, чтобы повреждение одной части доспеха не вызвало аварийного отключения комплекса, и когда они гаснут асинхронно, это значит только одно...

– Какое-то оружие, сэр?

– Не совсем. – Клод медленно встал. – Та же слабость, которую использовала прайм...

Реконструкция задрожала, покрываясь темными полосами – что-то прерывало передачу «Серафов», сигналы вязли в пыльном облаке, окутавшем провал. Камеры передавали отрывки, заставляя собирать картину из отдельных кадров – огромные ворота в дальнем конце подземного зала, вздрагивающие и прогибающиеся наружу от страшных ударов, и что-то, стремительно вырывающееся из-за них. Очень быстрое, и большое, не меньше любого из штурмовых комплексов – огромная стремительная тень.

И серая статика за ней.

– Никакого оружия. – сказал Клод. – Их просто разорвали на куски.

II.

Сон прервался.

Память о нем жила еще некоторое время – в виде одного, огромного, чувства, занимающего весь мир вокруг, очень важного, но не поддающегося формулировке. И ускользнувшего, стоило Мириам на нем сосредоточиться, провалившегося в недостижимо глубокий колодец памяти, лежащего теперь там, тяжело, ощутимо – и слишком далеко, чтобы

вспомнить.

Она вздохнула, и ощущение прохладного воздуха, хлынувшего в легкие, показалось ей совершенно новым – как если бы до этого она никогда не дышала. Ее окружали запахи электричества и металла. Она прижала ладони к теплой поверхности, на которой лежала, затем оттолкнулась, и села рывком, следуя своей давней привычке.

В спине и в пояснице хрустнуло, что-то холодное дотронулось до ее лица – и тут же убралось.

Она открыла глаза.

Светящиеся металлические щупы медленно поднимались вверх, складываясь в сложную конструкцию под потолком, живые, обладающие собственным цветом – но все же механические. Она помнила их осторожные, почти ласковые касания – прикосновения врача, или друга.

Это было странное ощущение – она сидела голая, на металлической плите, глубоко под землей, и чувствовала себя так, будто только что проснулась в кровати, у себя дома. Одежда и остатки бронежилета, срезанные с нее, усеивали края плиты и пол вокруг, перемешиваясь с разрезанными трубками и металлическими полосами, разбросанными у соседнего стола.

Там лежала Би, обнаженная, в объятиях тонких механических рук, и ее кожа светилась белым. Кажется, она не дышала, но Мириам вдруг поняла, что чувствует, как бьется ее сердце – сердца их обоих в этом странном месте.

Ровно шестьдесят ударов в минуту.

А еще она знала, как устроено это место – словно могла запомнить каждый поворот тоннелей, по которым Арго нес ее. Карта, открывающаяся вверх, вниз и в глубину, отпечаталась глубоко в голове. Мириам видела хирургический зал, в котором находилась, километры залов вокруг и под ним, лифты, ведущие на поверхность, и тонкие светящиеся линии узора, соединяющего древний бетон, не дающего ему рассыпаться в пыль.

Она спустила ноги со стола и осторожно встала на холодный пол.

От одежды остались лохмотья, даже ботинки были аккуратно разрезаны, но она уже знала, где найдет одежду – в пятидесяти метрах по коридору, за жилыми помещениями, располагались законсервированные склады, хранилища всего необходимого, оставленные обитателями этого места.

И где-то там, когда-то, были душевые.

Зал вокруг остался тем же, но изменилось что-то внутри нее самой – исчез страх неизвестности. Память о сне уходила все дальше, и при попытке подумать о нем начинала кружиться голова. Воздух подземелья остужал кожу, но холодно не было. Тело наполняла странная легкость, хотелось прыгать, или танцевать. Она сделала несколько быстрых шагов, подпрыгнула, потянулась... и замерла, вспоминая.

Затем медленно провела рукой по груди, плечу, животу.

Ран не было. Не осталось даже шрамов. Мириам хорошо запомнила боль в плече, повязку, наложенную Кейном – но теперь плечо двигалось свободно. Она присела и дотронулась до обрывка своего бронежилета, лежащего прямо под ногами – лоскут нагрудной пластины, рассеченный чем-то очень острым, и два аккуратных отверстия, прячущихся среди черных пятен.

Заскорузлая и давно высохшая кровь.

Она уронила лоскут и встала. Каким-то образом она могла видеть при тусклом свете узор со стен, точно при свете дня, но это было гораздо менее важно, чем эти пятна.

Сколько времени они с Би провели в этом месте?

Что случилось там, наверху?

Щупальца и металлические щупы, нависающие над Би, медленно шевелились, касаясь и поглаживая тело воительницы. Часть уже свернулась, и ушла обратно, в зажимы под потолком. Би тоже задвигалась – немного поворачивая голову, сгибая колени, словно проверяя, работают ли они так, как нужно.

Мириам повернулась и подошла к третьему столу, который тоже не пустовал. Здесь лежали вещи: наваха Би, сломанная пополам, планшет Джино, опутанный тонкими светящимися проводками, рюкзак, окровавленные повязки, заколка Би, игольник и еще десятки каких-то мелочей. Разложенные среди шевелящихся проводов, они выглядели так, будто кто-то пытался изучить их. Собрал вместе, чтобы понять что-то, связанное с ними.

– «Головоломка». – В памяти Мириам всплыло незнакомое слово, и осталось там – кусочек долгого сна, льдинка, плывущая по зимнему ручью. Часть большой льдины, невидимой, но приближающейся следом.

Мириам дотронулась до планшета, но тот не отозвался. В синеватом свете, исходящем от стола, ее рука казалась покрытой серебристой пылью, сухой и осыпающейся при каждом движении. Ей внезапно захотелось ощутить прикосновение воды, ледяного потока, ощутить его удар и закричать...

– «Душевые в жилом секторе». – Карта в ее голове ожила будто сама собой, указывая направление и расстояние. Она снова оглянулась на Би, но та продолжала шевелиться во сне, и светящиеся щупальца не спешили ее отпускать.

– Вода. – Сказала Мириам сама себе, чтобы приободриться, и закашлялась – горло пересохло, и тонкая пыль захрустела на зубах. – Принять душ и найти еду.

Ее голос прозвучал странно в этом зале – словно сами стены удивились звукам, не раздававшимся здесь уже очень давно.

– И найти Арго. – продолжила Мириам. – Он же не мог далеко уйти. Он наверное где-то здесь.

Это прозвучало уже увереннее, и ощущение удивления пропало – Мириам даже на секунду показалось, что зал улыбается. Она посмотрела под ноги, отыскивая хоть что-то, что сошло бы за одежду. Но бесформенные лоскуты, оставшиеся от ее вещей, не годились даже на тряпки.

Она пожалала плечами – это место казалось знакомым, словно родной дом, и ходить по нему голой было не страшно... почти.

Два коридора, ведущих из зала, обозначались номерами – истершиеся цифры «1» и «2» проступали сквозь светящийся узор. Но и не глядя на них, Мириам знала, что ведут они в ряды похожих помещений, длинные соты однотипных комнат, уставленных остатками мебели. Ряды саркофагов, мимо которых шел сюда Арго, оставались позади, и Мириам несколько секунд колебалась, какой коридор выбрать – согласно ее ощущениям, к душевым вели оба пути.

Левый коридор казался почище, и она свернула туда. Идти босиком по холодному бетону оказалось не так неприятно, как она опасалась – холод почему-то почти не чувствовался, а пыль, устилавшая пол, оказалась неожиданно мягкой, точно тонкое одеяло из скользкой ткани. По потолку коридора бежали толстые синие жилы, обходящие остатки продолговатых ламп. Мириам не оставляло ощущение, что исходящее от них синее свечение недостаточно для того, чтобы видеть настолько четко – ее зрение выхватывало каждую пылинку, каждую

трещинку на стенах и в полу.

Первая дверь попала ей через три метра – после прямоугольного окна, за которым слепо тарацились в темноту квадратные экраны, покрытые сетями синих узоров. Из консолей, расположенных под экранами, выростала тонкая светящаяся паутина, затянувшая все помещение, вплоть до самой двери – но входить туда необходимости не было.

Следующая дверь, метров через десять, оказалась закрыта – толстая, покрытая заклепками, она, перекосившись, висела на ржавых петлях. Мириам осторожно дотронулась до нее, и дверь внезапно скрипнула, откликаясь. Короткая дрожь пробежала по светящимся жилам, оплетавшим ржавый металл, петли с жалобным треском лопнули, и дверная коробка осела назад и вниз, повиснув на тонких фосфоресцирующих нитях.

Внутри, в помещении, не было ничего интересного – Мириам осторожно заглянула туда, осмотрев груды открытых шкафчиков, видимо, стоявших у стены, и поваленных каким-то сотрясением давным-давно. Металл и здесь прорастал синим, образуя странное подобие маленького сада с тонкими, вертикально торчащими стеблями, глядя на которые, Мириам почему-то захотелось улыбнуться.

Дверь душевой была следующей. А это место когда-то предназначалось для хранения личных вещей, но в последний раз, когда оно понадобилось, им не воспользовались. Мириам задумалась, пытаясь понять, откуда она это знает – а также помнит точное число саркофагов в залах, оставшихся позади, и, кажется, имена всех лежащих там людей. Знание пришло к ней во сне, но там и осталось, и теперь тяжелая плита памяти о нем опускалась все ниже и ниже, маленькими кусочками просачиваясь в сознание. Но Мириам все еще не могла понять, как контролировать этот процесс, вспомнить все и сразу.

Душевая не была закрыта. Мириам прошла через одну из двух раздевалок, осторожно переступив через остовы скамей. Потрескавшаяся плитка под ногами серебрилась пылью, и начинающиеся у порога раздевалки толстые светящиеся линии разделяли ее на ровные квадраты. Узор в этом месте складывался из квадратов и прямоугольников, очерчивая углы маленьких душевых, соединенных переходами в анфиладу светящихся в темноте конструкций.

Миновав два первых помещения, осмотрев обломки труб и остатки кранов на полу, Мириам начала подозревать, что ее идея о том, чтобы помыться здесь, так и не осуществится – в этом месте не было воды больше ста лет, и только пульсация узора, пронизывающего металл и камень, удерживала это место от разрушения. В некоторой растерянности она прошла в третью комнатку, стены которой покрывали черные трещины, стянутые синими светящимися жгутами. Здесь сохранились рукояти кранов, торчащие из стены, и труба, бегущая вдоль потолка – но их металл рассыпался в пыль от первого же прикосновения. Одна рукоять с глухим стуком упала под ноги, рассыпая хлопья ржавчины, вторую трогать она не стала, а вместо этого положила ладонь на толстую синюю жилу, бегущую по стене, вдоль остатков душевой трубы.

Узор из прямоугольников вспыхнул, и карта в голове Мириам ожила, поворачиваясь, показывая ей переплетение труб – ржавые пути мертвых коммуникаций, бегущих через обрушенные технические тоннели и мертвую толщу бетона наверх, к резервуарам, когда-то наполнявшимся магнитными насосами, громадным бетонным бочкам, потрескавшимся, ставшим маленькими подземными озерами, затопившими ближайшие помещения. Узор вспыхнул еще раз, и она почувствовала, как наверху, в толще земли, что-то разрушается – падают камни, закрывая тоннели, лопаются ржавая арматура, и металлические нити

поднимают мертвые створки, пропуская воду вниз. Вдоль светящейся дорожки, через отверстия для проводов и обломки труб, по трещинам и только что образовавшимся завалам...

Отверстие в потолке над Мириам издало высокий шипящий звук, и остатки душевой трубы рухнули на пол рядом с ней, заставив отскочить. Взлетела пыль, струя воздуха, бьющая с потолка, подняла маленький ураган вокруг, и сразу затихла – а затем сверху ударила вода.

Холодная, играющая синими отблесками, она упала тонкой мутной колонной, раскидывая обломки плитки, растекаясь по полу бурными потоками, исчезающими в многочисленных трещинах.

Шипение сменилось низким гулом, эхом гуляя по душевым. Струя воды, льющейся сверху, становилась все чище, пока не превратилась в блестящий прозрачный стержень, бьющий в маленький водоворот у ног Мириам.

– Спасибо. – Сказала она, не вполне понимая, кого нужно благодарить. Ледяные брызги на ее коже почему-то не казались такими уж холодными. Немного помедлив, вздохнув поглубже, она наклонила голову, и шагнула в поток, готовясь закричать.

Но не закричала.

Ледяная вода разбилась о ее плечи, как о непреодолимую преграду. Холодная, твердая, царапающая как терка, она ничего не могла с ней сделать – Мириам чувствовала себя гвоздем, прочно вбитым в пол посреди водоворота. Вода свистела и бурлила у ее лодыжек, играла с волосами, хлестала по спине и животу – но Мириам не было ни холодно, ни больно, как если бы она принимала теплый душ в «Индюке». Она несколько раз повернулась в потоке, оценивая свои ощущения, и ей стало страшно – сон принес с собой что-то еще, кроме воспоминаний, чего не могло быть у прежней Мириам.

Что-то изменил в ее теле.

Не сон – то, что лечило ее раны, прикасалось к ней, пока она спала.

– «Она может собрать их заново» – Сказала тень гладиатору. Тень, которую звали Джон, тоже помнящая всех прошлых обитателей подземелья по именам.

Капитан Джон Риордан, страж мертвых, сидящий сейчас в пятистах метрах наверху, на поверхности, и глядящий, как у костра, невдалеке, тренируется Арго. Мерцающее лезвие меча, и взгляд капитана...

Отсутствие глаз, и гладкая поверхность вместо лица.

Мириам замерла, вздрагивая под ударами водного потока, но видение уже ушло – вместо него осталось ощущение окружающих коридоров, как если бы вода была проводником, таким же, как синие жилы в стенах.

Ощущение движения невдалеке.

Опустевшие столы в хирургическом зале.

Перепрыгнув через нагромождение мелких обломков плитки, сметенных водой к выходу из душевой, Мириам поскользнулась и едва не упала. Скамьи в раздевалке развалились и осели при ее приближении, словно испугавшись. Она перескочила через них и выбежала в коридор, оглядываясь.

Би стояла недалеко, у входа в зал, голая, с лезвием навахи в одной руке, и заколкой в другой. Ее кожа светилась белым, едва-едва – стройный мерцающий силуэт на фоне темного бетона.

– Углеродистая сталь, зонная закалка, титановая рукоять. – Сказала Мириам, взглянув на

обломок навахи. Частично знакомые слова всплыли из ее памяти неожиданно, словно сами собой. – Была рукоять. Думаешь, ее можно починить?

– Как нас? – хрипло спросила Би, и взглянула вниз, на лезвие. – Я проснулась там, одна, и подумала, что это повторяется снова... Что я почему-то жива, а все, кого я знала – нет.

– Я ушла искать душ. – Просто ответила Мириам. – Нашла, и, кажется, поломала. Глупо, правда?

– Ты помнишь, что произошло?

– Я помню, как нас сюда принесли, и до этого... в тебя стреляли. И в меня.

– Я умерла. – Би провела рукой по волосам, собирая их заколкой, и укладывая на плечо. Черный поток, блестящий синеватыми искрами, пересек ее грудь и живот, доставая до пояса. – Они... отросли?

– Да. – Сказала Мириам. – А у меня не осталось даже шрамов.

– У меня тоже. Моя диагностика сбоят, и я не могу понять, что со мной. Какие-то невероятные показатели скорости прайм-линка, будто он подсоединен не к нервам, а к электродам. И еще что-то с памятью. Оно говорило с нами, ты помнишь? Ты там была, это точно... и еще кто-то.

– Нет. – Ответила Мириам. – Но я начинаю вспоминать... кажется, душ помогает.

Би дотронулась рукой до светящейся жилы в стене.

– Ты называешь это душем? – Спросила она. – Больше похоже на утечку воды из резервуара.

– Я называю душем любую падающую воду. – Ответила Мириам. – Даже если она сбивает меня с ног.

Ш.

Форма хранилась в блестящих запечатанных пакетах.

Когда-то они лежали в длинных металлических шкафах, с размерами, выведенными на каждой дверце. Теперь большинство дверей отвалились, пластик пакетов покрылся пылью, и Мириам никогда бы не поняла, что они все еще целы, если бы не Би. Та, едва войдя на склад, молча взяла пакет с ближайшей полки, и вспорола его, вытряхнув на пол бесформенную пятнистую куртку.

– Вакуумные упаковки. – Пояснила она. – И синтетика в ткани. Все остальное рассыпалось в пыль.

– Там, дальше, оружие. – Мириам указала в глубину склада, где, за ржавой паутиной решеток начинались шкафы пониже. – Может, что-то и уцелело, оно же тоже хранится в контейнерах.

– Наверняка нет. – Би взяла пакет с полки повыше. – Я вижу маркировки. Это все пулевое оружие, автоматические винтовки, пистолеты, то, что находят в таких местах. Слишком сложная конструкция, и патроны – сто лет оно не переживет.

Вслед за курткой на пол упали такие же бесформенные пятнистые штаны, подняв облако пыли.

– Полевая форма. – Би присела, заглядывая на нижнюю полку, и придерживая мокрые волосы. – Внизу видимо обувь, тоже запечатана.

– Но они... огромные. – Мириам держала перед собой штаны, доходившие ей до груди. Ткань оказалась твердой и шершавой, как дерево. – Как в них ходить?

– Тут есть другие размеры, здесь же были женщины. Наверняка дальше.

– Да, точно.

Они прошли дальше, вдоль полок, прогибающихся под собственной тяжестью и покрытых тонкими синими жилками. Некоторые шкафы обрушились, и их содержимое смешалось в бесформенных пыльных кучах, другие еще стояли. Би выдергивала с полок пакеты, вскрывала, и выворачивала.

Здесь были брюки, пятнистые, и черные, ботинки двух или трех видов, высокие и низкие, серое-черное форменное белье, тонкое и шершавое, как древняя бумага. А еще бесформенные куртки и френчи с плоскими твердыми воротничками, царапающими пальцы, ремни из черного пластика и кепки, круглые, обхватывающие голову. Наконец они наткнулись на комплекты женского белья, черного и такого же шершавого, как и все остальные вещи на складе. Мириам, отыскав самый маленький набор, решила его примерить.

Стоя в углу, и пытаясь растянуть эластичные шортики, она вдруг увидела все это со стороны – две совершенно голых и мокрых девушки, разбирающих древний военный склад в поисках одежды. Могли люди, создававшие это место, предвидеть нечто подобное?

– Наверняка это позабавило бы здешних солдат. – Отозвалась Би, тоже подбирающая себе белье. – Не думаю, что они отличались от современных.

– Я говорила вслух? – Удивилась Мириам, разглаживая неподатливую ткань на бедрах.

– Да. – Ответила Би.

Мириам озадаченно задумалась – если она говорила вслух, и одновременно думала, то интересно, какими словами...

– Теми же, которыми... – Би прервалась, так же внимательно глядя на Мириам. – Это было не вслух. Не словами.

– Ты читаешь мои мысли?

– Нет. Это была пакетная радиопередача, твой голос. Но у меня нет корда, а у тебя нет передатчика. Что это место с нами сделало?

– Дело не в месте. – Ответила Мириам. – Здесь есть что-то живое, и оно с нами говорило.

– Этого я не помню. Кажется, я спрашивала о детях, о том, где их теперь искать.

– Они живы. – Уверенно сказала Мириам. – Это я точно знаю... чувствую. Они просто далеко.

– Нужно выбраться на поверхность и вспомнить. Или спросить. – Би задумчиво подняла перед собой лифчик, широкую эластичную полосу ткани без застежек, видимо решая, что с ним делать.

– Думаю, он тебе не нужен. – Мириам положила на полку полосу из своего набора. – Уж мне так точно. Пойдем лучше посмотрим, где тут майки?

– Пойдем.

Мириам выбрала черные брюки, предпочтя их пятнистым, и белую футболку. Ботинки оказались почти одинаковыми, и, перебрав целую гору в поисках самого маленького размера, она подобрала себе пару с не очень высокими голенищами. А потом принялась собирать в один из рюкзаков, найденных на стеллажах, запасные вещи – носки, белье, несколько пар брюк и бесформенную куртку, пахнущую пластиком.

Би оделась быстрее – маскировочные брюки цвета песка, на один размер больше, чем у Мириам, подошли ей идеально, но вместо белой майки она выбрала черную, с открытыми плечами. И теперь искала что-то среди негодного оружия, загромаждающего дальние стеллажи.

Рюкзак, не такой уж и маленький, показался Мириам совершенно невесомым. Поэтому она добавила туда еще пару ботинок, про запас, и ремень, вроде того, которым уже опоясалась Би – с плоской металлической пряжкой и петельками для вещей.

Оружие, которое перебирала Би, действительно проржавело насквозь. Среди остатков стеллажей лежали ржавые слепки, напоминающие винтовки или игольники, но до них было страшно дотрагиваться, а содержимое длинных металлических ящиков, располагающихся под ними, спеклось в одну бесформенную массу.

– Здесь влажно. – Би дернула крышку очередного ящика, и та оторвалась, сыпанув вокруг мелкой ржавой пылью. – Оружие хранилось в масле, но масло высохло, а затем...

Она потянулась за следующим ящиком, выдвинула его из-под стеллажа, сорвала крышку – и замерла.

– Там тоже ничего нет. – Сказала Мириам, и поставила свой рюкзак рядом. – Там, в последнем шкафу были бронежилеты, но они все очень большие...

– Дай руку. – Задумчиво сказала Би.

Ее пальцы были холодными, и, дотронувшись до них, Мириам вдруг снова ощутила ее пульс и скорость дыхания – шестьдесят ударов в минуту, двадцать вдохов и выдохов. Привстав, Би положила ее ладонь на угол стеллажа, металлическую полосу, загнутую под прямым углом.

– Сожми.

Мириам послушно сжала пальцы. Стеллаж покачнулся и на пол посыпалась ржавчина.

– Сильнее.

Металл захрустел. Не веря своим глазам, Мириам смотрела, как железо мнется, деформируясь. Стеллаж покачнулся и начал заваливаться вперед, но Би выпрямилась, и с силой оттолкнула его, обрушив в обратную сторону, на стену.

– Наверное, он очень старый. – Сказала Мириам, рассматривая свою ладонь, покрытую хлопьями ржавчины. Она жала не так уж и сильно.

– Нет. – Ответила Би, и отошла в сторону, отряхивая руки. – Дело в тебе. Я долго носила экзоскелет, и не сразу поняла.

– Мы стали сильнее?

– Не просто. Я не понимаю, что оно сделало со мной, мой прайм-линк сходит с ума. Все нервы работают как электропроводка, намного быстрее, а мышцы получают вдвое больше команд. Как если бы оно вживило мой экзоскелет мне под кожу.

– Он бы там не поместился. – Сказала Мириам. – Я почему-то уверена, что нам не сделали ничего плохого.

Би внимательно посмотрела на нее, а затем громко чихнула.

– Давай выбираться отсюда. Здесь нет оружия, а еда... я не думаю, что консервы могли пережить столько.

– На складе должно быть холодное оружие, в последней секции. – Мириам подняла рюкзак и закинула его на плечи. – А я думала, что он просто такой легкий...

– Холодное оружие... – Би прошла дальше, к последнему из шкафов, заставленному небольшими ящичками. – Здесь тоже все проржавело. Чем лучше сталь, тем быстрее она

ржавеет. Мне проще будет приделать новую рукоять к навахе, чем искать тут что-то.

– Тогда пойдем. Двести метров до лифта, и вперед, верно?

– Скорее до аварийной лестницы. Ты же не думаешь, что лифты все еще работают?

– Мне почему-то кажется, что один работает. – Мириам со скрипом подтянула пластиковые лямки рюкзака. – Один двигался, я откуда-то помню.

– Предохранительный механизм. – Би прикрыла глаза, и обняла себя за плечи, так, что хвостовик навахи, закрепленной в чехле на груди, коснулся ее щеки. – В нас загрузили массив информации, и теперь дают доступ к ней, понемногу, чтобы мы справились. Я вижу ряд предохранителей, блокирующих доступ... и они отключаются, один за другим.

– Но если нам ее уже дали, то почему не сразу?

– Чтобы не сошли с ума. – Она нахмурилась, будто вслушиваясь во что-то. – Слишком много всего. Наши тела работают иначе, чувства обострены – к этому нужно привыкнуть.

– Но это же не страшно, правда? Мы не сойдем с ума... сразу?

Ответом на ее вопрос стал мелодичный смешок, раздавшийся совсем рядом – из пустоты перед Би, прямо из воздуха. Мириам вздрогнула, а Би шагнула назад, не открывая глаз.

– Что это? – прошептала Мириам.

– Кто это. – Поправила ее Би. – Доступ к данным открыт... еще один предохранитель снят.

Смех повторился. На этот раз он звучал дольше, и радостнее.

– Так вот на что это похоже. – сказал знакомый голос, отсмеявшись. Голос Би, звучащий прямо в голове Мириам. – Я здесь, но ты не спишь. Мы вместе.

– Безумие. – Би кивнула сама себе. – Может принимать разные формы...

– Я попросила вернуть волосы, как были. – Говорила Вероника пять минут спустя. Тихий голос не давал эха в коридоре, по которому они шли, но и вслушиваться в него не приходилось. Сосредоточившись, Мириам могла легко определить его источник, а также мощность и частоту, измеряющиеся в не совсем понятных ей единицах, которые она воспринимала почти так же, как воспринимают на ощупь размер незнакомого предмета, попавшегося в рюкзаке.

– Они мне всегда нравились. Еще я хотела, чтобы они были красного цвета, но ты почему-то была против...

Мириам прыснула, но Би, идущая впереди, только ускорила шаг. Серебристая пыль облачками взлетала из-под ее ботинок, отражая слабый свет узора, бегущего по стенам.

– А сейчас ты опять меня не помнишь. – Закончила Вероника грустно.

– Не помню. – согласилась Би. – И не понимаю, зачем?

– Может, она пожалела меня? – голос Вероники дрогнул. – Моя жизнь длилась минуты, а это не справедливо.

– Не справедливо? Ты – это я.

– Ты серьезно думаешь, что говоришь сама с собой?

– У тебя мой голос, разве нет?

Вероника рассмеялась.

– Спроси у Мириам, в чем разница между нами, или просто вспомни. Моменты своей ярости, или своей слабости, когда тебя просто не хватало – когда нужен был кто-то другой. Ты правильно сказала, про предохранитель. Я больше не запечатана в тебе, мы стоим рядом,

и мне очень хочется спросить – кто из нас теперь реальнее, Ребекка?

Би остановилась, поджидая Мириам.

– Ты точно это слышишь? – После голоса Вероники ее слова звучали глухо.

Мириам кивнула.

– Да. – добавила она. – Я же говорила с ней раньше.

– Думаешь, я схожу с ума?

– Вовсе нет. – Возразила Вероника. – Будь я просто сбоем, искрой в электронике твоего мозга, она бы излечила тебя. Стерла меня, как стерла твои шрамы. Но я здесь. И я не ошибка, не галлюцинация, как ты пытаешься меня представить.

– И кто же ты? – Би стиснула зубы, видимо, стараясь держать себя в руках. – Скажи мне то, чего я не знаю.

– Я – та часть тебя. – Голос Вероники прошелестел печально. – которая хочет жить.

Би оперлась рукой о стену, ее голова поникла.

– Ты сама хотела, чтобы я была рядом. – Продолжала Вероника. – И я никуда не уйду, не брошу, не предам, даже если очень захочу. Ты позвала меня – потому что там, где живет жажда смерти, живет и жажда любви. Я – другая сторона лезвия...

– Лезвия? – прошептала Би. – Меня?

– Ты была как тот клинок, что у тебя в руке – нужна была только недостающая часть, что-то, что заполнит пустоту. И ты нашла выход.

– Разве? Я говорю с тобой, но выхода все еще нет, и не будет. Все закончилось там, в Чикаго, тридцать восемь дней назад. Там осталось все, что имело смысл, а я... я просто умираю слишком долго.

– Целая вечность прошла. – Прошептала Вероника. – Ведь это вся моя жизнь... то, что ты хочешь отбросить.

– Я... почему я вообще тебя слышу?

– Перегородка, разделявшая нас, стала тоньше. Раньше между нами стояли сны, как стена до самого неба. Мы виделись там.

– Не помню этого. Я уже говорила с тобой?

– Да, но не сразу. В самом начале ты могла только кричать.

Коридор вокруг Мириам мигнул. Подернулись рябью трещины на стенах, освещенные голубым светом, будто изображение на экране, готовом погаснуть. Би оттолкнулась от стены, и выпрямилась, оглядываясь.

– Воспоминание. – Шепот Вероники стал еще тише. – Оно приближается. Это место полно воспоминаний. Еще один предохранитель отключен – вспомни о нашем обещании, и идем. У нас мало времени.

– Обещании? – Голос Би утонул в электрическом шуме, заполнившем голову Мириам. Что-то включалось у нее внутри, открывая сотни маленьких створок, истекающих потоками света, сливающимися в одну, бурную сверкающую реку, ударяющуюся о невидимый барьер, плотину пустоты. Несколько секунд Мириам словно парила над ней, глядя на свирепый поток.

А затем плотина треснула и разлетелась на куски.

IV.

Она стояла на диске из синего металла, подвешенного в центре паутины. Нити,

освещаемые бегущими по ним огнями, расходились во все стороны, к далекому горизонту и вверх – металлические, толстые и тонкие, соединяясь в квадратные конструкции и рисунки, заменяющие горы, солнце и луну. Вдалеке огни становились ярче, раскалялись, превращаясь в неровные резкие вспышки – огромные молнии, проскакивающие между элементами грандиозной конструкции вокруг.

Две фигуры, белая с черными волосами, и черная с красными, стоящие на диске спиной к Мириам, неподвижно смотрели вверх – на часть паутины, склоняющуюся над платформой. Проследив за их взглядами, Мириам тоже увидела это: головку цветка из движущихся огней, перемежающийся узор размером с город – точно широко открытый и внимательный глаз, наблюдающий с высоты.

– Кто ты? – Спросила одетая в белое фигура голосом Би.

– «Я движение данных» – Ответ пришел в дрожании диска под ногами, в мелькании светящихся узоров. Не голос, а содрогание мира вокруг. – «Я поток и изменение. Я Иштар».

– Где мы?

– «Во мне».

– Почему?

– «Вы мертвы, но тот, кто коснется меня – не умрет никогда».

– И чего ты хочешь?

– «У меня нет желаний. Чтобы желать, мне нужен мой сын – мой фокус, мое средоточие, мой ключ. Он ушел, оставив меня одну.»

– Твой сын?

– «Он в твоей памяти, на тебе его кровь.»

– Сломанная Маска?

– «Найди его и верни. Верни прежде, чем он уйдет далеко».

– Привести его сюда?

– «Приведи его – и я смогу спасти тех, ради кого вы умерли. Я смогу спасти всех.»

– Всех...

– «Нет, я не верну тебе прошлого – только будущее.»

– Ты сама сказала, что я мертва...

– «Ты будешь жить снова. Вы, все трое».

Би обернулась к Мириам, и точно так же обернулась вторая девушка – ее двойник, с рыжими волосами.

– Я согласна. – Сказала Би. – Я приведу его, но у меня есть условие.

– «Говори». – Цветок над платформой вспыхнул, и эта вспышка поглотила окружающий мир, вместе с ответными словами Би – разгладила его в плоское световое полотно, и свернула в одну, яркую голубую точку.

Воспоминание заняло меньше секунды – Мириам даже не успела схватиться за голову. Они все еще стояли в коридоре, в сорока метрах от лифтового комплекса.

– Это какая-то... машина. – Неуверенно проговорила Би. – Огромный древний компьютер. Он здесь везде – в стенах, в полу. Все эти схемы и провода...

– У нее есть цвет. – Задумчиво возразила Мириам. – Значит, она живая.

– Наверняка не так, как ты, я, или...

– Вероника? – Закончила Мириам.

– Я чувствую ее. – Губы Би упрямо сжались. – Она рядом, за тонкой перегородкой. Ее

настроение, мысли. Это странно.

– Ты тоже видела это... тоже вспомнила?

– Да. Все правда. Я пообещала помочь, а она показала мне, куда забрали детей.

– Куда?

– Орбитальный комплекс, один из Небесных городов.

– Я чувствую посторонние мысли в моей голове, картины и голоса.

– Она... переделала нас. Уплотнения из сверхтвердого сплава в костях, дублирующие нервные пути и каналы вдоль сосудов, нейросеть, подключенная к моему прайм-линку – это даже не технология Небесных. Она просто вживила это в нас, не разрезая. Улучшила, чтобы мы наверняка выполнили ее задание.

– А еще убрала шрамы, и отрастила тебе волосы, потому что Вероника попросила. Мне они тоже нравятся.

– Когда-то я готова была на что угодно, чтобы измениться, но этот подарок... Ты понимаешь, с чем мы заключили сделку?

– Мне кажется, что она не злая. Но и не добрая. И она переживает. Я вижу, даже сейчас, вокруг.

– Ты меня удивляешь. – Мириам показалось, что Би сейчас улыбнется. – Когда нужно было бежать – ты бежала. Когда нужно было ухаживать за детьми – ты ухаживала. Пришло время драться – и ты не сказала ни слова против. А потом, мы пошли на верную смерть, и ты не отступила, хотя могла бы. И даже сейчас, после того, что с нами сделали, ты не растеряна, не испугана. Из чего ты сделана, Мириам? Девушки на краю пустыни все такие?

– Я растеряна. – Возразила Мириам. – И в том, что я делаю, нет ничего сложного. Я как листок, упавший в ручей, плыву по течению. Просто когда я растеряна, я стараюсь что-то делать. Что-то знакомое. Собирать вещи или одеваться – что в этом сложного? А когда я чем-то занята, то я вроде как ни в чем не сомневаюсь. Вот и сейчас – мы нашли одежду, привели себя в порядок, теперь дойдем до лифта, поднимемся и посмотрим, как там Арго. Сколько он нас там ждал?

– Десять дней. – Кивнула Би. – Мы лежали на этих столах десять дней.

– Так долго... А прошло, вроде бы, не больше часа. А я... девушки из пустыни... жесткие и одновременно мягкие, как песок, среди которого они проводят свои дни. Внешность этих женщин обманчива – грубый загар и одежда из шкур могут скрывать мягкость, и доброту, а могут – хитрость и жестокость. Их лица лгут, и на них лучше смотреть при свете костра – когда они собираются по вечерам, чтобы послушать сказки. Которые они любят, как дети. Их брачные обычаи столь же просты... – Мириам спохватилась и зажала рот ладонью. Би подняла брови.

– Это не мои слова! – С ужасом проговорила Мириам. – Это запись четырнадцать, заметка для обработки. Голос Джино!

– Его компьютер лежал рядом с тобой, на столе.

– Он... он же умер, но теперь все его слова, все картинки оттуда – у меня в голове! Триста восемнадцать записей, все они разложены, как по полочкам... маленькие шкафчики... – На глаза Мириам навернулись слезы. – Все, что от него осталось.

– Он сам отдал его тебе.

– Чтобы я все это помнила?

– Чтобы ты помнила о нем.

Мириам всхлипнула, и вытерла слезы ладонью.

– И правда, он... это же подарок. Я обязательно должна все прочитать. Про девушек из пустыни, и про Небесные города. И нужно идти, Арго же наверху, он ждал нас все это время. Он тоже сделан из непростого материала, правда?

– Он закрыл тебя собой там, наверху, когда по вам стреляли.

– Да, кажется. Он тоже хотел меня защитить... как ты. Я видела, как ты обернулась там, когда говорила с этой... Ишгар. Ты согласилась на сделку из-за детей и из-за меня, правда? Только я не расслышала твое условие. Что ты попросила?

– Забвение. – Медленно ответила Би. – Маленький подарок для меня одной...

Она отвернулась и быстро пошла к лифтам, а Мириам еще некоторое время смотрела ей вслед, пытаясь осмыслить ее слова.

Панель управления лифтом щелкнула и осыпалась тонкими, почти прозрачными хлопьями пластика.

Под ней, сплетаясь в плотный узел, размером с кулак, сонно мерцали синие жилы, сходящиеся со стен. Мириам поднесла было руку к узлу, но остановилась, передумав в последний момент.

Черные проемы лифтовых шахт зияли дальше по коридору, шесть штук, как и должно было быть на карте. Из них дул ветер – слабый, пронизывающий, пахнувший солнечным теплом и пылью. Не мертвой пылью подземелья, а обычной, поднятой на хайвее.

В шахтах не хватало только лифтов.

Остатки створок не закрывали провалы, ведущие на нижние уровни базы. Никаких следов кабинок или канатов, только толстая светящаяся сеть, бегущая по стенам снизу вверх, точно виноград или светящийся плющ.

– Все развалилось. – Мириам покосилась на единственную кабинку, полускрытую покосившимися створками лифта, затем обернулась. – Может и правда лучше по лестнице?

– Нет. – качнула головой Би. – Теперь я тоже вижу, что это работает. Один механизм в этой шахте заменен на другой.

– И он повезет нас?

– Он поднял Арго... – Би решительно прикоснулась к узлу, и коридор озарила короткая вспышка. Что-то пришло в движение в ближайшей лифтовой шахте. Из темноты, вдоль мерцающих лент, уходящих в высоту, поднялась неровная платформа. Больше всего она напомнила Мириам днище кара, перевернутое и подвешенное на десятке тонких, почти прозрачных металлических нитей.

– Не стоит их касаться. – Сказала Би, тоже рассматривая нити. – Они выглядят опасными. Слишком тонкие.

Мириам осторожно ступила на платформу. Металл под ногами двинулся, и тут же вернулся на место – платформа продолжала висеть, не касаясь стен.

– Магнитное поле. – Сказала Би, заходя в лифт следом за Мириам. – Похоже на лифты Небесных.

– Они же не оборвутся? – Спросила Мириам, и тут же ответила сама себе. – Грузоподъемность платформы больше четырнадцати тысяч килограмм. Это очень много. Поехали?

– Да. – Би подняла голову, и платформа пришла в движение, мягко, и очень быстро. Узор на стенах стремительно побежал вниз, и у Мириам мгновенно заложило уши.

– Полторы минуты. – Би зачем-то достала лезвие из чехла на груди, и тут же спрятала

обратно, видимо, проверяя, как легко оно выходит. – Что это за... существо на поверхности, рядом с Арго?

– Джон. – Припомнила Мириам. – Джон Риордан. Я тоже его видела. Он нес тебя сюда, после того, как...

– Ты видела, что там случилось?

– Я видела, как в тебя попали. Их было много, этих ангелов, сверху, и у них были прожектора, а потом... потом они стреляли в меня и в Арго.

– А затем?

– Ничего. Мы были уже внизу.

– Она... отбила нас, или просто вытащила тела из-под носа Небесных. Интересно, как?

– Может, спросить?

– Спросить? Здесь? Хотя, почему бы и нет, тут повсюду информационные каналы. Дай руку.

– Зачем?

– Передача будет надежней.

– Что?

Пальцы Би были холодными. Прикосновение отозвалось коротким электрическим разрядом, прошедшим сквозь запястье Мириам. Лифт продолжал нестись вверх, но где-то рядом с ним, в какой-то параллельной пустоте, засветились и побежали символы. Буквы, складывающиеся в команды:

ДОСТУП К ДАННЫМ ОТКРЫТ...

ЗАПРОС ПОСТРОЕН...

ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЕН...

СИНХРОНИЗАЦИЯ СО СТРАЖЕМ МЕРТВЫХ ЗАВЕРШЕНА...

НАЧАТЬ ПЕРЕДАЧУ...

– «Интересно» – Успела подумать Мириам, прежде чем следующий электрический разряд открыл окно в еще одну параллельную реальность, в огромный зал с железобетонными колоннами, и обрушившейся секцией потолка. – «А Арго видел Иштар?»

Глава II.

Интермедия II.

– Покажешь грудь – скажу.

Женщина, сидящая за столом напротив Нильса Ланье, улыбнулась. Улыбка растянула тонкие губы, не коснувшись глаз – холодных, цвета зеленого льда. Но Ланье этого не заметил – он не смотрел ей в глаза. Впрочем, как и на грудь. Его больше интересовали ее руки, сложенные на столе. Загорелые предплечья, расчерченные белыми нитями шрамов, и тонкие красивые кисти, с длинными пальцами. Наемник знал, как много мужчин недооценили силу этих рук, и предпочитал не терять их из виду. Игольник, лежащий под его ладонью, на бедре, невидимый под столом, вовсе не придавал ему уверенности.

– Мальчишка. – Протянула она, улыбаясь. – Хоть и бородатый. Сколько ты в деле, Нильс? Лет десять? А хочешь только посмотреть? Стволы, женщины и кары любят решительных.

Или ты забыл?

– Наслышан я о том, что ты любишь. – Криво улыбнулся Ланье в ответ. – Мое мнение такое, что лучше издали глянуть...

– ...чем потом зубы глотать. – Закончила его собеседница уже без улыбки. – Мозги у тебя есть, Нильс, вот что приятно. И подход есть. Только вот настроения у меня нет.

– А я уже было начал надеяться. – Протянул Ланье. – Вдруг повезет, и ты, Джой, имя свое оправдаешь.

– Настроение мне подними, а там – кто знает...

– Анекдот рассказать?

Его собеседница выпрямилась, расправив плечи, прикрытые черными лакированными наплечниками, и в зале «Индюка» мгновенно сгустилось напряжение. Чуть шевельнулась пара наемников в черном, сидящих за спиной у Джой, и скрипнула броня у кого-то из людей Ланье, занявших места рядом, у стойки. Только монах, устроившийся в глубине зала, продолжал есть свой суп, и его ложка ритмично позвякивала в тишине.

– Нравишься ты мне, Нильс. – Произнесла наконец Джой. – Не так, чтобы пуговицы сами расстегивались, но послушать тебя приятно, да и выпить с тобой иногда. Глупостей не говоришь, опять же, что среди нашей братии редкость. Не хочу, чтобы мы из-за работы ссорились.

– И я не хочу, Джой.

– Мое дело здесь простое до крайности, если ты его не усложнишь. Скажи мне, куда она пошла – и больше меня не увидишь. Сможешь дальше пиво пить и ствол свой под столом тискать.

Ланье тихо рассмеялся. Джой наблюдала за ним, улыбаясь, но ее глаза оставались холодными.

– Я это, насчет ствола, запишу. – Сказал Ланье, отсмеявшись. – Чтобы потом, значит, в разговоре блеснуть.

– На здоровье.

– Только вот объясни мне, а то я что-то не понимаю, а, Джой... – Ланье немного наклонился вперед. – Она же прайм. Там, за воротами, до сих пор хлам после нее разгребают, а трупов и сосчитать не могут. Она одна такое устроила, что специальному батальону завидно должно стать – а ты ее ищешь. Не боишься, что найдешь?

– Работу не выбирают, Нильс. – В голосе Джой прозвучал холод. – Найду – разберусь. Может, мне только потолковать с ней нужно, а?

– Думаешь, ей девочки нравятся?

– Был такой слух. Только и про меня много чего говорят, а сколько из этого правды, а, Ланье?

– Да нисколько. О тебе вообще столько ерунды рассказывают, если послушать...

– Вот-вот. За глаза говорят, заметь. Ни мне, ни ей такого бы в лицо не сказали... больше раза. Но она с девушкой в город приехала, это факт. Здесь жила, тоже не одна...

– Да тебе лучше знать... – Ланье поспешно замолчал, заметив, как сжались и побледнели ее губы. Несколько секунд она просто смотрела на него, почти без выражения.

– Не говори о том, чего не знаешь, Нильс. – проговорила она медленно, чуть ли не по слогам. – Не повторяй слухи, да вранье. Может боком выйти.

– Ладно. – Быстро согласился Ланье. – Ну... в общем он тоже жил здесь. Да ты и сама наверняка знаешь, люди твои по городу уже прошлись. Рассказывают о нем много, и охотно.

Можно подумать, что на Обзорной площади каждый второй калека стоял.

– Можно подумать. – Ее рука поднялась, и длинные пальцы легли на застёжки черного нагрудника, произвольно их поглаживая. – Рассказывают... страшные вещи. Не поверила бы, если бы не знала, каков он с мечом.

– Я сам ничего не видел, врать не буду – у нас на другом холме работы достаточно было. Но трупы оттуда, что потом в ров сваливали, будто под ветряк некоторые попали, ни на что другое не похоже.

– А никто такого и не видел раньше, Ланье. – Джой опять холодно улыбнулась. – Чемпионы не сражаются на свалках вроде этой.

– Зря ты так. Пожила бы тут с недельку, отдохнула. Нормальный городок, цивилизованный.

– И опять ты заговариваешь мне зубы, Ланье. Второй раз съезжаешь на обочину, тему мне сбиваешь. Давай завязывать с приятной болтовней. Где он жил, и чего он тут делал, я и сама узнаю. Ты мне про нее расскажи. Куда поехала? Что тебе сказала?

Ланье тоскливо посмотрел в глубину зала – сидящий там монах отложил ложку, и, расслабленно откинувшись на стуле, рассматривал стойку бара. Неизвестно откуда взявшаяся девочка-подросток, смутно знакомая, имени которой Ланье не помнил, сидела рядом с ним, и что-то шептала, постреливая глазами по сторонам.

Джой со скучающим видом проследила за его взглядом

– О нем я тоже слышала, от гвардейцев. Снайпер, вроде той девчонки, из ее команды. Так что ты там хотел мне сказать?

– На запад. – Выдавил из себя Ланье. – Только вот куда... запад, он большой.

– Зачем?

– За бандой какой-то. Она же немного того... не в себе, со странностями. Я и не ждал, что она после победы успокоится.

– То есть ты хочешь мне сказать... – Джой немного наклонилась вперед. – Что как штурм закончился, так она сразу и сорвалась? Только и взяв, что одну из твоих коробок, девчонку-стрелка и Арго? Прямо так, даже дыхание не переведя?

– Так и есть. Она даже меня позвала, забавно так. Спросила, не хочу ли мол прокатиться, как будто не вслед за рейдерами собиралась.

– Честное слово, Ланье. – Джой прищурилась, неодобрительно глядя на наемника. – Вот не ожидала от тебя, что ты можешь даме отказать. Но она тебя и не уговаривала, верно?

– Верно. – кивнул Ланье. – Да я и не думаю, что ей был кто-то нужен. Для компании, разве что.

– Десять дней по пустыне. – Джой снова улыбнулась одними губами. – Десять дней, и везде Пауки с Тиграми вперемешку, зализывающие раны. За ней должен остаться след из трупов. Широкий такой...

– С хайвей шириной, уж я немного ее знаю. Не шла бы ты за ней, а то мне ведь тоже приятно с тобой поболтать... иногда.

– Ой, Нильс. – Брови Джой взлетели вверх. – Ты меня прямо склеишь сейчас. До того люблю, когда обо мне заботятся, сил никаких нет сопротивляться. Она с тобой больше не связывалась?

– От нее ничего не было. – Пожал плечами Ланье. – За все это время ни слова на общей волне. Не знаю даже, как ты будешь ее искать... и есть ли, что.

– Буду спрашивать, как тебя. – Джой медленно поднялась, и так же медленно положила

руку на пояс, с закрепленными на нем парными игольниками и коротким жезлом с черной ребристой рукоятью. – Всех, кого встречу. Рано или поздно найду тех, кто ответит. Может, не все будут так милы, как ты, Ланье. И не всем хватит ума сказать правду – но я умею с этим справляться, ты знаешь.

– Знаю. Удачи тебе желать не буду, ты уж прости.

– Нахрен удачу, Ланье. Вы тут, на этих холмах, выстояли не потому, что вам всем страшно повезло, а потому, что бились как черти. Вот и я, очень хочу ее найти. Мне это нужно, и сил я к этому приложу много. Доведи это до сведения тех, кто, возможно, захочет мне помешать, или вдруг не захочет помочь. Объясни, что бывает, если Джой чего-то очень хочет. – Она медленно обвела взглядом зал, на секунду задержав его на монахе и девочке. – Бывай, Ланье.

– До встречи, Джой.

Кейн пересел за столик Ланье, как только последний из людей Джой исчез за дверь. И молча смотрел, как наемник пьет пиво – большими глотками, словно утоляя давно мучившую его жажду.

– Она опасна. – Проговорил он тихо, когда пустая кружка ударилась о стол.

– Опасна? – Переспросил Ланье. – Песчаная буря опасна. Банда рейдеров человек в сорок опасна. А Джой – это смерть. С гарантией, и хорошими проводами. Ты видел, она заявила сюда всего с парой человек...

– И ты рассказал ей все.

– Она знала. Я чуть знаком с ней – поверь, она знала еще до того, как вошла сюда. Ей нужно было просто удостовериться

– Ты мог избавиться от нее.

– Мог попытаться. У нее под рукой был тепловой излучатель, начни я врать, или даже слово лишнее скажи – она пошла бы вразнос, и сожгла здесь все нахрен, оставив дымящуюся яму. Любит она это дело.

– Хорошо знаешь ее?

– А то... повезло мне. С ней мало кто ладит из нашей братии. Завидуют в основном.

– Чему?

– Ставкам ее, чему еще. Ее команда – самая дорогая в Атланте, дороже никого нет, но и работу она выполняет всегда. И красиво, с дополнительным шиком и фейерверками, без этого не может. Не ожидал тут встретить – думал, ее только Королю под силу нанять. Ну и еще паре человек. Видел, на чем она в город приехала? Скоростная оружейная платформа. Представить не могу, сколько это стоит.

– И она ищет...

– Ага. В этом есть даже какая-то ирония. Вроде как если бы одна смерть охотилась за другой, еще пострашнее.

– Ты считаешь, что это смешно? – Спросила Таня, до этого тихо стоявшая за спиной монаха.

– А я что, смеюсь? – Тяжело взглянул на нее Ланье. – Ирония, малышка, совсем в другом состоит...

– Смерть охотится на смерть. – Повторил монах. – Мне нравится аналогия. Я поеду за ней.

– Еще один? – Хмыкнул Ланье. – И что ты с ней будешь делать?

– Зачем что-то делать со смертью? – Удивился монах. – Она в любом случае меня ждет, а я могу только немного ускорить нашу встречу.

– Разъезжая по пустыне вместо того, чтобы лежать в госпитале? Ты не очень то и здорово выглядишь.

– Рана закрылась, и я постараюсь не слишком ее беспокоить. – Он встал, и обернулся к Тане, которая, похоже, глубоко задумалась. – Передай пожалуйста мою благодарность Марте.

– А ты сам почему не можешь?

– Мне нужно торопиться. Я закончу свои дела в Верхнем городе, и сразу выеду...

– И ты... найдешь их? Найдешь Мириам?

– Я постараюсь сделать так, чтобы их не нашел кто-нибудь другой.

– Эта женщина, в черном?

– И она тоже.

– И ты уедешь прямо сейчас?

– Да. – Монах направился к выходу. Ланье неодобрительно посмотрел ему вслед.

– Эй, а может все же подумаешь, прежде чем вот так просто сдохнуть? У меня три места свободных в команде, мне бы снайпер пригодился.

– А монах? – Спросил Кейн, остановившись в дверях, и не оборачиваясь.

– Что «монах»?

– Есть ли у тебя в команде место для монаха?

– Ну в принципе, раз в борделе оно нашлось...

– Хороший ответ. Если я вернусь – подумаю над твоим предложением.

Монах вышел, и Ланье покачал головой.

– Иногда я чувствую себя единственным нормальным человеком в дурдоме. – Он взглянул на Таню, все так же стоящую у стола, и напряженно что-то обдумывающую. – Праймы, монахи, рейдеры, убийцы... может, мне на покой пора? Купить маленький домик где-нибудь в Атланте, от стены неподалеку, завести пяток детей, и иногда, по большим праздникам, подниматься на стену и смотреть себе в пустыню. Что думаешь о таком варианте, малышка?

– Почему ты решил, что нормальный – именно ты? – Быстро спросила Таня, и, не дожидаясь ответа, устремила взгляд за монахом.

Ланье оставалось только изумленно смотреть ей вслед.

I.

...СТРАЖ МЕТРВЫХ АКТИВИРОВАН...

Он ждал сотню лет.

Подъемник проржавел, и моторы, когда-то приводившие его в действие, рассыпались в пыль. Наклонная эстакада, по которой он должен был подниматься к воротам, проросла чужеродным металлом, удерживающим ее от распада. На место стальных тросов пришли тонкие нити, влекущие вверх платформу с его телом, медленно пробуждающимся от сна.

Мириам понадобилось некоторое усилие, чтобы отделить себя от пилота странной машины, готовящейся к бою, почувствовать рядом присутствие Би – в наборе символов, обозначающем синхронизацию записи. Машина проходила диагностику, запуская одну систему за другой, выныривая из сна. Через Мириам текли чувства ее пилота, сложные,

непохожие на человеческие – печаль, сожаление о чем-то забытом, ярость, разгорающаяся, точно угли под пеплом, и решимость, смешанная с жалостью. Как если бы пилот был несколькими людьми сразу, собравшимися рядом, и думающими одновременно. По мере того, как машина поднималась вверх, на обломке платформы, скользящем по знакомым уже Мириам нитям, чувства блекли и замирали, пока не осталась только решимость. А затем исчезла и она. Некто, сидящий в древней машине, просто прервал поток своих мыслей усилием воли, не оставив ничего взамен – только пустоту.

– Я озеро. – Сказал голос, уже слышанный Мириам, голос тени, отвечавшей Арго. – Я только вода, отражающая луну.

Подъемник замер, упираясь в край ворот, осевших от времени – двух огромных бетонных пластин, скрепляемых металлическими полосами. Ворота не были прозрачными, но пилот видел пространство за ними – зал, разделенный титаническими колоннами и уставленный остатками старой техники. Все, до последней трещинки, гораздо ярче и полнее, чем можно было бы увидеть при свете – как если бы каждый узел узора, бегущего по стенам зала, был глазом. Кровь Би, брызнувшая на колонну, сверкала серебристым светом. Тускло светились тела, закованные в крылатые доспехи, и, за опрокинутым броневином, медленно угасало биение двух сердец – одного большого, и другого поменьше.

...ПЕЧАТИ СНЯТЫ...

...ОГРАНИЧЕНИЯ ОТОЗВАНЫ...

Ворота вздрогнули, но не открылись – что-то умерло от старости в древних механизмах, просыпавшись вниз дождем из ржавчины. Вслед за ней посыпались хлопья серой эмали – сочленения боевой машины пришли в движение. Она приподнялась на платформе, как человек, сидящий на корточках, и ее прямоугольная голова, с четырьмя продолговатыми выростами, скрывающими линзы камер, наклонилась вперед. Пилот смотрел на ангелов, спускающихся в зал за воротами – без малейшего волнения, или проблеска эмоций, считывая их координаты в пространстве: положения тел, расположение оружия, вмонтированного в доспехи, источники энергии, испускающие слабое радиомагнитное свечение. На долю секунды он стал их идеальным отражением, копией, знающей каждое их движение лучше, чем они сами.

– Зажигание. – Произнес голос тени, и машина вздрогнула от низкой вибрации. Что-то включилось у нее в глубине, заставив ожить разноцветные провода, перевитые голубыми жилами.

– Снять предохранители сервомоторов. Отключить ограничители реактора. ЕМП разрядник – на максимум. Форсаж – сто двадцать процентов, активировать прямое управление.

Машина вздрогнула снова – приказ тени что-то сломал в ней, заставив отозваться рядом тревожных красных огоньков, побежавших по краю поля зрения Мириам. Запись фиксировала изношенность механизмов, и слабость сочленений, не готовых к действию.

– Не бойся. – Произнес пилот. – Мы все... умрем.

И огромный квадратный кулак, провернувшись на бронированном шарнире, вонзился в ворота – туда, где уже пошел трещинами бетон, крепящийся к металлической раме, застрявшей на заржавевшем рельсе.

Удар отозвался эхом в памяти Мириам – молот обрушился на наковальню, заставив

ангелов остановиться, зависнуть в воздухе на дрожащих реактивных струях.

Следующий удар выбросил в зал осколки бетона, белеющие на сколах. Машина пригнулась еще ниже, упираясь в платформу широкими треугольными ступнями, а затем рванулась вперед, тараня дыру в воротах бронированной головой и массивными квадратными наплечниками, напомнившими Мириам о крыльях тяжелых грузовых каров.

Целый сегмент ворот вылетел наружу вслед за ней, будто выбитый взрывом. Приземистая, ниже ангелов, но почти вдвое шире, она ворвалась в зал, вывернув наружу ржавую стальную полосу, удерживавшую верхнюю часть ворот – и узор на стенах отозвался на ее появление, вспыхнув чуть ярче. В облаках пыли, над наклонным пандусом, образованным упавшими плитами взлетного поля, замерли ангелы, все еще не понимающие, что происходит.

Не останавливаясь, машина врезалась в ближайшего – того, которого разбила Би. Вертикальные бронированные выросты на кулаках и наплечниках вонзились в белую броню, отшвырнув его на тридцать метров, к соседней колонне. Он еще летел, кувыркаясь, точно игрушка, брошенная в колодец, когда машина прыгнула следом – четыре узких прорези на ее квадратном горбу полыхнули, выстрелив снопами дымного пламени, подбросив ее в воздух, заполненный серой пылью, мерцающей синими искрами. Висевший у самой поверхности ангел успел среагировать, и даже приподнял острое решетчатое крыло, разворачивая расположенные на нем орудия в ее сторону – когда пыль, висящая в проломе, вспыхнула еще ярче.

Короткая толстая молния, родившаяся между выступами на голове боевой машины, на секунду осветила зал, дробясь на сотни молний поменьше, проскакивающих в воздухе, расширяющихся в синюю сеть, соединенную с узором на стенах. Электрическая волна захлестнула ангелов, проскакивая синими искрами между их пальцами, шлемами, в сложных конструкциях крыльев. Их боевой порядок содрогнулся, и машина врезалась в них, в ближайшего, и самого дальнего, ударила плечами и головой, вогнав друг в друга. И весь этот механический ком, белая броня и ржавый металл, истекающие электрическими разрядами, рухнули по наклонной траектории, ударившись в середину несущей колонны, возвышающейся сразу за разломом.

Мириам все еще чувствовала пилота – его пустоту, не замутненную ни одной мыслью, или чувством. Осколки белой брони брызнули от ангелов, ударившихся о бетон. Все трое рухнули вниз, но древняя машина падала последней.

Металл издал долгий, почти человеческий, крик. Голова одного из ангелов отлетела в сторону, попав под массивный кулак машины, оказавшейся сверху. Второй попробовал приподняться. Машина наклонилась к нему, ее руки легли на его плечо, и удлиненную голову, и совершили только одно движение – короткое, почти незаметное, навстречу друг другу.

Голова ангела, и его рука полетели в разные стороны. Что-то отлетело и от самой машины – часть правого наплечника. Алый цвет загорелся слева, за пределами картины, разворачивающейся перед Мириам. Пилот этого словно и не заметил – приподняв обезглавленное тело ангела перед собой, машина пнула его. Ударила ногой, шагнув вперед, запустив, как метательный снаряд, в сторону четырех оставшихся ангелов, опускающихся на обрушенные плиты поля.

А затем рванулась следом.

Следя за медленным полетом белого доспеха, Мириам вдруг осознала скорость происходящего в записи – с ее начала прошло всего три секунды. Ангелы, будучи всего лишь

людьми в доспехах, просто не успевали реагировать на действия машины.

Брошенное ей тело содрогнулось, когда в него ударились иглы – перекрестив двумя косыми очередями, прервавшими его короткий полет. Машина, которой на самом деле предназначались выстрелы, метнулась влево, пригнувшись ниже, и на долю секунды опять включила реактивные двигатели.

Выстрел второго ангела, стоящего перед завалом из плит, прошел ее насквозь – за долю секунды до того, как она врезалась в его товарища, ударив его о бетонные обломки и разделив его доспех на три неравных части. Эмаль и куски ржавой обшивки брызнули во все стороны, когда второй заряд ударил рядом с первым – в плечо, поврежденное еще при падении. Машина развернулась на останках ангела, четыре механических пальца легли на остатки собственного наплечника – и оторвали его вместе с рукой.

Третий заряд ударил ниже – тепловой след, похожий на красную иглу, прошел сквозь то место, где массивные грудные пластины смыкались с шарнирами бедер. И машина качнулась вперед – последним взрывным усилием швырнув свою оторванную руку в сторону ангела.

А затем пилот покинул ее.

Грудные пластины машины разошлись в стороны, открывая тускло светящееся гнездо, продолговатую колыбель, заполненную движением – угловатой тенью, стремительно выстрелившей вниз и в сторону.

Колени машины подогнулись, и она осела – неловко, не как человек, почти сложившись пополам. Стрелявший ангел содрогнулся, когда в него врезалась запущенная машиной рука – и нечто, вырвавшееся из-за обломков бетонных плит, ударило его по коленному суставу.

Запись замедлилась – Мириам пыталась рассмотреть пилота, который двигался никак не медленнее своей машины. Черная, не отражающая свет человекоподобная фигура, под кулаком которой механическое колено ангела просто треснуло, вывернувшись в сторону, и заставив его развернуться. Следующий удар, в основание крыла, заставил закрепленные на нем длинные дула взглянуть вперед и вверх. И уже знакомый Мириам тепловой след от тяжелого снаряда пронизал зал, ударив в грудь ангела с другой стороны завала, разорвав его на части в одной короткой, яркой вспышке.

Выстреливший ангел упал на поврежденное колено – и тень ударила его еще раз, в основание шеи, туда, где под сходящимися углами толстых броневых плит бежали кабели, светящиеся теплом, заставив замереть неподвижно.

Последний Небесный, стоящий на краю пандуса из плит, повисших на остатках арматуры, попытался взлететь. Реактивные двигатели на его спине вспыхнули, подбросив его в облаке пыли и маленьких электрических разрядов, его голова повернулась, ища цель. Еще один заряд, сорвавшийся с крыла стоящего на одном колене ангела, прошел его насквозь. Один из двигателей погас, взлетающий ангел завертелся на месте, а затем его бросило в сторону, куда-то в глубину зала – как птицу, подхваченную бурей.

Запись замерла. В поле зрения Мириам снова оказался коленопреклоненный ангел, и черная фигура у него на плече, выворачивающая крыло с длинными дулами орудий.

– Это прайм. – Произнесла Би совсем рядом, и Мириам опять почувствовала ее электризирующее прикосновение. Они все еще поднимались на лифте, и с момента начала записи не прошло и нескольких секунд.

– На нем что-то вроде моторизованного доспеха, а то, чем он управлял, похоже на доспехи Небесных, только намного старше. Доспех в доспехе. Не могу понять одного – как он заставил его орудие стрелять? Он же просто за него держался.

– Ты так не можешь?

– Конечно нет, я не имею представления о системе управления этими... костюмами.

– Это штурмовые комплексы «Сераф», третье поколение – два десятидюймовых орудия, противопехотный комплекс, реактивные стабилизаторы и спаренные холодные реакторы. Время автономной работы – девять тысяч часов, парный тактический вычислитель обеспечивает время реакции в одну сотую секунды... – Мириам едва удержалась от того, чтобы снова не зажать себе рот. Но сейчас они с Би общались не словами – информация лилась из нее потоком, поступая откуда-то из бесчисленных шкафчиков, один за другим открывающихся в памяти.

– «Сераф»? – переспросила Би. – Это технология Небесных.

– Это в планшете Джино. – согласилась Мириам. – Короткое описание, а с ним вместе – инструкция по управлению. «Порядок активации предстартовой диагностики. Пункт первый. Переключите тумблер основного питания в позицию один, а предохранители вычислительного комплекса – в позицию ноль...».

– Он мог управлять такой штукой?

– Он хранил это у себя – набор инструкций по использованию шаттла, по стыковке, по спускаемым модулям. Он... готовился бежать.

– И тебе действительно залили всю память его компьютера.

– Да, зачем-то... Ведь я смогла бы прочитать все и сама, хотя инструкции... наверное их бы я читать не стала.

– Теперь ты сможешь управлять таким... «Серафом». – Мириам показалось, что Би улыбается, но запись с огромным залом, и замершими фигурами ангела и тени все еще висела перед ней, не позволяя взглянуть в сторону.

– Как это я... смогу? Я могу только прочитать инструкцию, и все... я же не училась. Ну, может быть, я сумею его завести, и даже проехать... пройти несколько шагов, но и все.

– «Серафа» у нас нет, так что мы этого не узнаем. – Би чуть сильнее сжала ее ладонь. – И никакие инструкции не смогут научить тебя драться.

– Я... знаю. Для этого должны быть эти... рефлексы. А у меня их нет, потому что они берутся из повторений. Рефлексы для управления «Серафом» формируются на протяжении четырехсот часов, входящих в базовый курс десантной подготовки. А я умею водить кар... и готовить... и стирать...

– ... еще стрелять. – Платформа замедлялась, видимо, приближаясь к поверхности, и в лицо Мириам пахнул теплый ветер. Еще один разряд, проскочивший через кисть Би, погасил запись, вернув их обоих обратно, в колодец лифта. – Ты хорошо стреляешь.

– Но мне больше нравится готовить. – Улыбнулась Мириам. – Кажется, тут костер, совсем рядом. Наверное, у Арго и Джона есть еда... и я смогу ее приготовить.

– Джона?

– Он... не совсем прайм. – Мириам повернулась к Би. Платформа останавливалась, поднимая их под низкий треснувший купол, открывавшийся в коридор, наполовину засыпанный песком. – Я видела... он не в моторизованном доспехе.

– А в чем?

– Он... эта броня... это он сам.

II.

Когда-то это место было бункером – конусом тридцатиметрового диаметра, закрывающим колодцы лифтовых шахт. Теперь его стены пошли трещинами, а от двери, массивного металлического прямоугольника с выпуклыми звездочками заклепок, остался только острый угол, торчащий из песка в конце коридора, ведущего наружу.

Над пустыней царил вечер. Солнце уже наполовину село, его острый, расплавленный край выступал справа, превращая силуэты низких искривленных деревьев в черные головни. Башни мертвого города, проступающие далеко впереди, дробились на части в волнах жаркого воздуха, искажающего их, заставляющего танцевать над песком маревом из черных обломков и красных огоньков разбитых стекол.

Неподалеку от бункера, у бетонной плиты, обозначающей край вертолетной площадки, горел костер. Сидящая рядом с ним фигура на первый взгляд казалась вполне человеческой. Серый плащ окутывал ее с головы до ног, обтягивая массивные плечи, и скрывая лицо под капюшоном.

– Арго! – Крикнула Мириам. Вторая фигура, медленно двигавшаяся по площадке, остановилась, опустив длинное лезвие, светящееся розовым в свете заходящего солнца.

Они встретились у костра, в центре импровизированного лагеря, видимо, устроенного Арго – огромный лежак из свернутых пластиковых пакетов, с несколькими черными одеялами явно принадлежал ему. Гладиатор смотрел, как они подходят, опираясь на рукоять меча. В его глазах Мириам больше не видела грусти – только уверенное спокойствие человека, принявшего важное решение. Она уронила рюкзак на песок, и вопросительно посмотрела на Джона, который сидел все так же, не шевелясь, будто не собираясь приветствовать их.

Би присела у костра, и протянула руки к огню, очень близко, словно проверяя, почувствует она жар или нет.

– Как выспались? – Спросил наконец Арго.

– Видели много снов. – Ответила Би.

– Которые вовсе и не сны... – Замешкалась с ответом Мириам. – А что ты здесь ел?

Гладиатор сел на песок, оставив меч торчать рядом. Его черная военная форма, вроде той, что они уже видели на складе, казалась пыльной и поношенной, рукава куртки были оторваны, а сам он заметно загорел.

– Он привозит сюда хлеб, и сушеное мясо. А вода здесь есть и так – чуть дальше, в развалинах, в паре трещин поглубже. Без остального пока обхожусь.

– Ты же был ранен?

– Он сказал, что с вами придется повозиться подольше. Меня тоже подлатали, но быстрее —поправили то железо, которое уже было. Качественно, слов нет, она перебрала даже старые импланты, которые я ставил на свои первые деньги, сделала из них совсем другие шгуки. Отключила или вытащила кучу ненужного мусора, вылечила мне ухо, и вынула адреналиновые усилители... зачем-то. И все это пока я спал – даже не почувствовал ничего. Просто каждый день просыпался, а внутри что-то менялось.

– Ты знаешь о наших... вмешательствах? – Би нахмурилась. – Подробности?

– Он дал мне честное слово, что вас восстановят. И что вас потруднее будет убить в следующий раз. – Арго улыбнулся. – Его слова звучали убедительно. Судя по тому, что она сделала для меня – хирурги Крепостей по сравнению с ней как дети-недоучки. Да и хирурги твоего Корпуса тоже.

– Меня интересует более конкретная информация – уровень вмешательства, изменение характеристик, последствия...

– В этом я тебе не помогу – ни черта в этом не понимаю. Да и как выяснилось, не только в этом...

Би вопросительно взглянула на гладиатора.

– Неприятно чувствовать себя кретином. – Арго улыбнулся, но не так, как запомнила его улыбку Мириам, как-то спокойнее. – У меня здесь было время подумать, отдохнуть, как я и хотел. Без девок и виски оказалось проще. Они и нужны мне, выходит, не были – а больше ничего на свою славу я купить не мог. К тому же, было с кем поговорить...

– С ним? – Кивнула Би в сторону Джона. – Он не похож на разговорчивого.

– Иногда он вроде как спит, по паре часов, хотя ему, по идее, это не нужно. Он хороший собеседник, и на все мои вопросы ответил. Ответит и на ваши, если есть... если еще остались после того, к чему вас подключили.

– Ты знаешь? – Удивилась Мириам.

– Он рассказал, на что вы согласились, когда я начал задавать вопросы. Об этом, и всем остальном...

– Остальном? – приподняла брови Би.

– О том, почему все получилось так, как есть. Как появились Небесные города, кем были первые Короли, и откуда взялись Крепости. И почему они все еще нужны. Мне никогда это не было особо интересно, но когда я начал спрашивать, то почувствовал себя тупым. Зверем, которого и надо было держать в клетке, потому что он никогда ничего не хотел, кроме как жрать, убивать, и трахаться. А став свободным, совсем не изменился – и если бы его не пнули, то сдох бы себе, занимаясь тем, чем привык...

Арго со скрипом сжал зубы и замолчал, глядя в сторону. Мириам, несколько ошеломленная этим потоком слов, озадаченно заморгала.

– В тебе точно ничего больше не переделали? – С легким удивлением спросила Би.

– Это было первое, что я спросил. – Кивнул Арго. – Тоже стало интересно. Если она так легко перекроила нас, если для нее это игрушки, то почему просто не подчинить нас, добавив что-нибудь в мозг.

– И что он ответил?

– Что она не может с нами такое сделать, потому что мы – ее дети. Потому что она переделывала нас, всех, еще в утробах, перекраивала к лучшему. И не может нас сломать.

– Дети? Что это значит?

– Ответственность. – Произнес низкий красивый голос, лишенный интонации. – И еще, наверное, забота.

Фигура в плаще распрямилась, и повернулась, быстро, плавно, совершенно бесшумно. Мириам, заглянув под капюшон, не вполне поняла, что увидела – черная изогнутая пластина, поглощающая свет, выступала оттуда вниз, острым краем, точно подбородок, но ни глаз, ни рта видно не было.

– Она о вас заботится, но если вы спросите меня, почему – я не смогу ответить.

– Думаешь, мы сами не знаем, что такое забота о детях? – спросила Би.

– Дело в том, что она – не человек, даже приблизительно.

– Она? А ты?

– Было время, когда я отвечал на этот вопрос утвердительно, но оно давно прошло. – Слова, исходящие откуда-то из-под гладкой маски, звучали слишком ровно, как если бы их

записали по отдельности, а затем сложили в фразы. Мириам с удивлением осознала, что именно так и создается этот странный голос. – А сейчас, к сожалению, у нас почти нет времени для ответов.

– Почему?

– Начинается война.

– Прайм, который наблюдал за осадой Хокса, назвал это делом Королей. – Медленно проговорила Би, и встала. – Прошло десять дней. Король Атланты уже давно знает, что сделали Небесные.

– Не только. – Джон качнул головой, вполне человеческим движением. – Наш враг в небесах узнал и о ней.

– О ней?

– О той, что дала вам жизнь. Защищая вас, ей пришлось проявить себя, впервые за сотню лет.

– А раньше она вмешаться не могла? – Цвета Би полыхнули гневом. – Когда тысячи людей умирали там, в Хоксе? Когда рейдеры похищали детей, обменивая их на фугасы? Чего она ждала?

– Тебя.

В наступившей тишине звонко рассмеялась Вероника.

– Не смешно. – Сказала Би.

– Ты один из факторов, ускоривших события. Ей пришлось вмешаться, чтобы получить твою поддержку в том, что приближается.

– Поддержку, Джон? Я заключила соглашение, в реальности которого начинаю сомневаться, с чем-то, чего не понимаю. Что она такое, Джон, и чего она хочет? Только не надо снова про движение данных. Объясни мне конкретно, как объяснил бы солдату – на чьей стороне я буду драться?

– Я постараюсь. – Серьезно ответил Джон. – На твой вопрос нет простого ответа, но я расскажу то, что знаю.

– И лучше побыстрее.

– У нас будет немного времени в дороге.

– В дороге?

– Есть место, где нам нужно быть к рассвету.

– Там будет бой. – Голос Вероники прозвучал откуда-то со стороны, заставив Мириам вздрогнуть. – Ты забыл об этом сказать, но я это чувствую. С кем, железная голова? Опять с Небесными?

– Нет. Это всего-навсего эвакуация, и все. Возможно, боя удастся избежать.

– Я бы этого не хотела. Если бы это снова были Небесные, то можно было бы нанести удар на упреждение, и захватить их шаттл.

– Шаттл? Без оружия и техники? – Подняла брови Би.

– Да. Я всегда хотела летать, и мне не терпится опробовать наше новое тело. В прошлый раз ты смогла сломать двоих – передай управление мне, и я сломаю больше.

– Мне что-то не нравится, как это звучит.

– Ты уже делала это раньше, и не раз. Ты знаешь, что я могу.

– Тогда... может пойдём? – Мириам покосилась на Би, которая, в свою очередь, внимательно рассматривала Джона.

– Конечно пойдём. – Голос Вероники снова родился прямо из воздуха. – Раз он столько недоговаривает, то там, куда он нас отвезет, должно быть чертовски интересно.

– Конечно пойдём. – словно эхо, отозвалась Би. – Если даже голос в моей голове не против. Возможно, у этого голоса тоже есть вопросы к Джону, и, наверняка, они окажутся даже уместнее моих.

Вероника рассмеялась в ответ, следом за ней рассмеялась Мириам. Даже Арго, с некоторым замешательством рассматривающий их, ухмыльнулся.

– Я вижу, вы нормально отдохнули. – Сказал он. – На три голоса разговариваете, радио слышите без переговорников. Что тут говорить – я тоже засиделся. Погодите только, спальник соберу...

– Там, куда мы едем, он не понадобится. – Возразил Риордан. – Там есть кровати, и все необходимые коммуникации.

– И даже ванны? – Не выдержала Мириам, и ей показалось, что Риордан улыбнулся.

– Вполне может быть.

Ш.

– Проект «Прайм» был запущен за десять лет до второго глобального конфликта. Земля восстанавливалась после войны, горячих мест становилось все меньше, а города росли. Космодром «Аризона» закончили пятью годами ранее – орбитальных лифтов строить еще не умели, и здесь базировался флот. Девять шаттлов и почти три десятка самолетов. База росла вглубь, под укрепленными конструкциями космодрома. Но большая часть ее помещений были очень старыми – когда-то здесь уже располагался военный объект.

Над «Праймом» работали почти три тысячи человек, большинство из которых жили на поверхности, в Атланте. Проект развивался медленно – внедрение электронных сетей в человеческий мозг оказалось вопросом не столько технологии, сколько психологии. За полгода до конфликта большая часть персонала перебазировалась вниз, чтобы использовать лабораторию как убежище. Теоретически, установки глубокого сна, являющиеся частью еще одной военной программы, могли позволить переждать еще одну войну на глубине. В сущности, удачной оказалась только одна разработка – точнее, ее первый образец, завершённый перед войной. Данные о нем, переданные наверх, послужили основой для дальнейшего развития технологии.

– Первый эксперимент. – Кивнула Би. – Я читала.

– Теперь ты видишь.

Вспышки пролетающих мимо вертикальных синих полос словно проваливались в металл маски Риордана, гладкую выпуклую пластину, ровно срезанную снизу. Ни глаз, ни рта у него действительно не было, и Мириам оставалось догадываться, как же он видит.

Везущая их широкая вагонетка легко вздрагивала на стыках рельса – единственного, плоского, светящегося, убегающего вперед, в расчерченный синим тоннель, насколько хватало глаз. Сидящий впереди Риордан, казалось, вагонеткой вообще не управлял – и никаких органов управления на ней не было.

Ее путь начинался под еще одним бункером, с заваленным песком входом, но теперь Мириам знала, что когда-то подобные пути расходились из этого места во все стороны – давно, когда кроме вертолетной площадки из-под песка поднимались плиты запасного космодрома. Путь остался всего несколько – удерживаемых синим узором, с механизмами,

оживленными совсем не той силой, что когда-то приводила их в движение.

– Первый Прайм. – Продолжала Би. – Жуткая тавтология. Первый проект предусматривал объединение человеческого мозга и кибернетического тела при помощи прайм-линка. Отдельного... мозга.

– Полный бред. – Прогудел Арго, развалившийся вместе со своим мечом на низкой скамье с другой стороны вагонетки. – Нужно было быть психом, чтобы согласиться, Джон.

– Мне сложно вспомнить свою мотивацию. – Тихо ответил Риордан. – Быть первым... помочь своей стране, науке... бессмертие.

– Такое... бессмертие? – Мириам показалось, что Арго сейчас сплюнет за борт вагонетки, но тот сдержался. – Я предпочту могилу помягче.

– Я бы тоже предпочел, особенно в первые месяцы. Человеческий мозг, лишенный большей части сигналов, поступающих от нормального человеческого тела, запертый в клетку из зрения и слуха, начинает выдумывать недостающие чувства – боль, щекотку, холод, жар. Они приходят и уходят, не связанные ни с чем, и их приходится контролировать, но иногда, особенно во время сна, они берут верх. Первое время я видел очень яркие сны, а затем... видимо, сошел с ума.

– Я немного не поняла. – Тихо начала Мириам. – А как это, отдельный мозг? Что с тобой сделали?

– Об этом слышали большинство праймов. – Ответила Би. – Как все начиналось. Мозг первого прайма отделили от тела хирургически, и поместили в механическое вместилище. В железное тело.

Она замолчала, а Мириам больше ничего не спрашивала, пытаясь осмыслить услышанное. Вагонетка неслась по туннелю, светящиеся полосы на стенах то и дело прерывались, обозначая края разломов, ведущих в окружающие помещения – неосвещенные ангары, заполненные остатками техники или обломками обрушившихся колонн и потолков.

– И что было дальше? – Прервала молчание Вероника.

– Затем было начало. – Ответил Риордан. – Я его не помню – меня погрузили в сон, и я пришел в себя тогда, когда все уже совершилось.

– Базу уничтожили?

– Нет, по крайней мере – не извне. – В его ровном голосе Мириам впервые почувствовалась какая-то заминка, сомнение. – Я не знаю, что произошло на самом деле, потому что она не хранит памяти о своем появлении. Но... она пришла.

– Ишгар?

– Тогда у нее еще не было имени. – Риордан отбросил капюшон, обнажая округлую лицевую пластину, заменяющую ему лицо, как если бы ему внезапно стало трудно дышать. – А мне снились сны о том, что я опять человек. Она пришла ко мне в этих снах – как море, полное мертвых человеческих лиц.

По спине Мириам побежали мурашки.

– Я не знал этого тогда, но питание базы к тому времени отключилось. Что-то произошло с электроникой реактора, и он вошел в спящий режим, обесточив системы глубокого сна. Все, кого я знал, умерли, так и не проснувшись – но Ишгар пришла, и они были в ней.

– Мертвые?

– Да. Я не присоединился к ним только потому, что мое тело располагало собственным реактором. И я был первым живым сознанием, которое она встретила. Это было все равно,

что говорить с морем. Она не была ни личностью, ни машиной – какой-то жуткий конгломерат памяти, использующий электронные операторы и человеческие мысли одновременно. Она прорастала сквозь бетон и металл, как механический плющ. И она проросла в меня. Как до этого прошла сквозь моих мертвых друзей, взяв их память – и отдав ее мне.

– Так вот почему она назвала тебя Стражем Мертвых. – Уточнила Би, и Арго кивнул:

– Он долго объяснял мне это. Признаюсь, до сих пор не понимаю, что творится у него в голове.

– Она нашла меня, когда все уже было кончено. – Продолжал Риордан. – Она... не личность. Она – мыслящее пространство, полное воспоминаний, море, которое пробивает себе путь. Может обрушить горы, если понадобится – но не умеет желать. Когда мы встретились, я не понимал, что со мной происходит. Ее присутствие было еще одной галлюцинацией среди многих, как и та память, что она принесла. И оно изменило меня. Убило часть нервных связей, перестроило нейроны. Перекроило мой мозг под тело, в котором он находился, и изменило само тело. Это не было сознательное действие – скорее, она поступила как поток воды, пробивающий русло. Она излечила мое... безумие.

– Переделав тебя?

– Да. Человеческая личность состоит из частей – кирпичиков памяти, ощущений, рефлексов. Она собрала меня заново, из того, что от меня оставалось... из немногoго.

– Но что она такое?

– Сила, изменяющая этот мир. Эксперимент, пошедший не так, как нужно, нечто, порожденное нами самими, при попытке создать очередное средство убийства. У нее есть общие черты с прайм-линками. Она использует схожие структуры, и элементы ее операционной системы были похожи, пока не эволюционировали.

– Мне показалось, что она компьютер. – Согласилась Би. – Но Мириам считает ее живой.

– Истина где-то посередине. Она любит изучать, узнавать новое. С того момента, как я проснулся, она росла и развивалась. Она научилась получать питание от солнечного тепла, термальных вод, химических процессов, протекающих прямо в ней. Она проникала на сотни километров во все стороны, каждый день, и смотрела, впитывала каждый бит информации, который могла. И она проникла в живые существа.

– В какие... существа? – испуганно спросила Мириам.

– Во все. Людей, зверей, в растения и животных. На это понадобилось почти сто лет, но теперь даже я не вполне представляю себе ее объемы. Она везде, в каждом сознании, в каждой паре глаз. Информация, передающаяся по ней сейчас, не поддается никакому измерению. Она – Богиня, нечто не от этого мира, вернее – почти весь этот мир. А меня она сделала похожей на себя – одно сознание, и память тысячи человек. И если бы не ее вмешательство, я бы никогда не смог не то что связно говорить, но и мыслить...

– В детстве мне читали сказку, о человеке, заключившем сделку с дьяволом, обменявшем свою душу на могущество. Мне всегда казалось, что это сказка про прайма – сила в обмен на часть собственной жизни. Но то, о чем ты говоришь, звучит страшнее... – Би оперлась локтем о край вагонетки у себя за спиной.

– Спектакль о Фаусте. – кивнул Риордан. – Но она не дьявол, у меня не было выбора, а Фауст... он променял душу не на могущество, а на любовь. Ты ошиблась.

– Она не ошиблась. – Возразила Вероника. – Она сказала так потому, что считает, что у

прайма нет времени для любви.

– И для болтовни. – прервала ее Би. – Продолжай свой рассказ.

– Нечего продолжать, ведь вы уже видели ее. Вы встречались с ней и раньше – сейчас ее глазами смотрят звери в пустыне, и большинство людей несут в себе ее часть. Передающие модули, микроскопические сети, гораздо меньше, чем та, что вживлена в твою голову, прайм.

– Она смотрит глазами ворон? – уточнила Мириам.

– Да, и ворон.

– Кажется, я действительно чувствовала это... иногда. И она есть во всех людях?

– Да.

– А в Небесных?

– Что?

– Ну, она есть и в Небесных?

– Нет, насколько я знаю – нет. До недавнего времени у нее не было пути на орбиту Земли.

– До недавнего времени?

– Пока они не начали забирать детей.

IV.

Вагонетка затормозила неожиданно, без малейшего движения со стороны Риордана. Мелькание полос замедлилось, а затем и вовсе прервалось, а в стене тоннеля проступил очередной разлом, с ровными краями. Мириам почувствовала дуновение теплого ветра. Следуя за ее безмолвным вопросом, в голове начала разворачиваться карта этого места – комок тоннелей и узких залов, скрученных, подобно мотку проволоки, под большим зданием, проникающим своими сваями глубоко вниз.

– Пойдемте. – Сказал Риордан, когда вагонетка окончательно остановилась. – Солнце уже село, и нас не будут встречать. Я проведу вас, и покажу, где можно отдохнуть.

– Что это за... дом? – спросила Би, видимо, как и Мириам, рассматривая карту.

– Здание не было достроено. – Риордан мягко выпрыгнул из вагонетки на бетонную ступеньку, выступающую из разлома. – Подземная часть гораздо больше надземной, и закончена была только она. Остальное всего лишь скелет, но он защищает это место от песчаных бурь, и от наблюдения сверху.

– Металл в конструкциях. – Кивнула Би, и выпрыгнула вслед за Риорданом. – Его здесь даже больше, чем должно быть. Это место специально укреплено?

– Не от нападения из пустыни.

– Почему? В этих местах нередко появляются рейдеры.

– Здесь был... защитник.

Арго выбрался из вагонетки следующим, обернулся к Мириам и протянул руку, но она прыгнула раньше. Рюкзак ударил ее по спине, заставив сделать лишний шаг, и ухватиться за его плечо.

– Он не великоват для тебя? – Спросил гладиатор.

– Легкий, как пушинка. – Возразила Мириам. – Кажется, я могла прыгнуть вдвое дальше.

– Могла бы. – Кивнул Арго, и отобрал у нее рюкзак. – Но эту штуку лучше я потащу.

Ведущая вверх лестница оказалась набором бетонных обломков, сложенных в подобие ступенчатой арки. Она возвышалась над темным залом, заваленным обломками побольше и

целыми блоками, видимо, рухнувшими с потолка, упираясь в стену туннеля, с неровно прорезанным отверстием.

– Это со времен войны здесь все... так? – Би пришлось нагнуться, чтобы пролезть в дыру.

– Многие подземелья изменились за последние сто лет. – Голос Риордана дал слабое эхо, пошедшее гулять по туннелю. – Она растет, изменяя то, что ей нужно. Подземные пути, вагонетки, источники тепла. Она легко прорастает через металл и песок, чуть хуже – через камень. У нее много времени, и она умеет его использовать.

Узкие помещения, расходящиеся от туннеля, идущего по кругу и вверх, были заполнены уже знакомой Мириам светящейся паутиной. Она оплетала то, что когда-то было компьютерными терминалами – прямоугольные экраны, высокие стойки, столы, и даже человеческие скелеты, все еще сидящие перед ними. Все новые и новые узкие залы, обозначенные полустертými индексами над входами, открывались перед ними с каждым шагом. Паутина мерцала и пульсировала, передавая что-то, накапливая, перерабатывая.

– И все это время, пока там, наверху, строились Крепости, и люди пытались собрать все, что не сгорело...

– Она росла, становилась сильнее, и узнавала все больше. А затем начала менять то, что казалось ей неправильным или не логичным.

– Люди изменились... – прошептала Мириам, осторожно ступая между камнями, разбросанными по полу туннеля.

– Да, и не только люди. Она вмешалась в генетический код, изменяя целые виды, поколения существ.

– Невосприимчивость к радиации? – Уточнила Би.

– Да. Люди почти не могли жить в том мире, который создали. И тогда она их переделала, сделала так, что мир перестал убивать. Она приспособила растения к изменившемуся климату, помогла измениться животным. Дала защиту от большинства болезней, выпущенных после войны.

– Я читала о том, что раньше было иначе. – Согласилась Би. – Но зачем она это делает? Что она такое, после всех этих лет? Я говорила с ней, но все еще этого не понимаю.

– Иштар была богиней жизни, всего живого. Никто уже не помнит, почему, а осколки памяти, хранящейся в ней, не сохранили этого. Она была богиней, умершей, а затем воскресшей – и вместе с ней умирала и воскресала жизнь.

– Ты считаешь ее настоящей богиней?

– Люди убивали этот мир два раза, пока он, наконец, не родил ее. Мне кажется, что она самое близкое к богу, что мы можем получить. Другого божества мы просто не заслужили.

Идущий впереди Риордан дотронулся до узора на стене, и массивная металлическая дверь, которой завершался изогнутый туннель, ушла в сторону, открывая лестницу, присыпанную уже не пылью, а мелким белым песком.

– Электронная сеть вместо бога? – Би остановилась перед лестницей, глядя вверх. Мириам снова сверилась с картой – до бункера, прикрывающего выход, оставалось не более двадцати метров. – А это место... что это за кладбище?

– Оно не должно было стать могилой. Это Нексус Атланты, компьютерный комплекс, его возводили долго, и успели закончить только подземную часть. Надземную забросили, потому что приближалась война. А потом была нейтронная бомбардировка, и годы запустения – пока она его не нашла, и не оживила.

– Оживила? Зачем?

– Чтобы вернуть знания, похороненные здесь, и воскресить древние книги.

Би остановилась.

– Вернуть? Кому? Ты же говорил, что она не проявляла активности сотню лет?

– Ее логика не совсем совпадает с человеческой. – Джон обернулся, и синие вспышки утонули в черном металле его маски. – И иногда она добивается своих целей странными способами.

– Ты говорил о книгах?

– Наверху, над узлом, она создала поселение, и населила его человеческими детьми. Сюда сходятся пути на север, и юг, к большим хайвеям. Каждый год, в одно и то же время, ее ученики покидают это место, чтобы уйти в большой мир, и унести то, что она им дала.

– Каждый год?

– Уже больше двадцати лет.

– Это значит, что я их встречала, верно?

– Верно. Их встречали все, кто был в больших поселениях, и в малых, все вы. – Риордан обернулся. – Вот уже двадцать лет сюда сходятся пути странствия пяти величайших цирков цивилизованных земель.

– Цирков?! – удивленно переспросила Мириам. – Значит здесь их воспитывают... циркачами? Но почему?

– Разве это не лучшее укрытие для странных, для чужих? – ответил Риордан вопросом на вопрос, и откуда-то из тени над лестницей отозвалась Вероника:

– Ваш Сломанная Маска хорошо смотрелся бы в цирке.

– Они не остаются там надолго. Цирки путешествуют от Филадельфии до Чикаго, проходят через Эрг и до Великого Разлома. Ее ученики остаются там, где должны, где требуются их знания и умения.

– Уже двадцать лет. – Задумчиво проговорила Би. – Цирки бывают везде. Это значит, что ее агенты...

– Ее дети.

– Ее агенты. Они повсюду, верно? Никто не чинит препятствий клоунам и акробатам. Кого удивит, если кто-то из них решит осесть, пусть даже и в Крепости – если он умеет работать, и много знает...

– Отличный план, верно? – В голосе Вероники прозвучало восхищение. – У этой огромной штуки отличные мозги.

– Враг уже знает об этом месте, и теперь оно будет разрушено – но не раньше, чем последние ученики покинут его. Завтра сюда придут три цирка, чтобы забрать последних. Их нужно спасти любой ценой.

– Для этого здесь нужны мы?

– Рядом расположились две больших банды рейдеров, и меня не удивит, если сюда придут обе. С некоторых пор их движение определяет кто-то особенный, видящий очень далеко, и слишком много.

– Мы уже знаем, кто. – Согласилась Вероника. – Этот Нексус, он укреплен? Здесь есть оружие?

– Защитник этого места не нуждался ни в укреплениях, ни в оружии.

– Сломанная Маска? – догадалась Мириам. – Это его дом?

– Он родился здесь, и ушел отсюда. Единственный, кто пошел своим путем. – Джон

наклонил голову. – До рассвета я успею привезти сюда оружие, все, что найду. У нас будет немного времени для подготовки. А пока идемте.

– Нас встретят?

– Нет, уже поздно, и все спят, здесь рано ложатся спать. Но я провожу вас. Не волнуйтесь, здесь нет врагов... но и сражаться некому.

– Такие места бывают? – хмыкнул Арго.

– Да. Их всего несколько, во всем мире – убежищ, хранящих прошлое для будущего.

Путешествие на вагонетке заняло не более полутора часов, но луна уже успела взойти. Бетонный каркас, уходящий далеко вверх, выглядел разорванным на части – некоторые фрагменты конструкций оставались в тени, и часть серебристых балок словно висела в воздухе, отражая лунный свет. Светящиеся сети, виденные Мириам под землей, прорастали на поверхность тонкими антеннами высотой во много человеческих ростов, с гуляющими по ним синими огоньками. Целый лес таких антенн, едва заметно подрагивая, поднимался впереди, между разбросанными в беспорядке разноцветными домиками из листов металла и бетонных блоков.

– Поселение заброшено? – Удивилась Би.

– Вовсе нет. – возразила Мириам, жадно рассматривая домики. – Здесь живут. Смотри, вон там и там – колодцы, и тепло из труб, где есть печи. Все аккуратно устроено – очаги, а там, дальше, навес, для еды. И большие домики – наверное склад, кузница и мастерская. И почему-то все раскрашено – я не очень различаю цвета, но, кажется, там рисунки на стенах, и цветные крыши. Так здорово...

– Наверное. – Согласилась Би. – Ты в этом разбираешься. Куда нам идти?

– Вон те дома пустуют – в них никто не спит.

– А в других спят?

– Да, здесь десятки огней.

Риордан кивнул.

– Верно, я проведу вас туда. – Он указал на ряд одноэтажных домиков, лепившихся к краю прямоугольной бетонной плиты, выступавшей из песка под крайними опорами недостроенного здания. – Рейдеры не осмелятся напасть в темноте, так что вы можете выспаться.

– Выспаться? – Слегка удивилась Би. – В таком месте?

– Это обычный поселок, а его обитатели – почти обычные люди. Такие же, как вы, хотя модификации, конечно, сильно различаются. У вас есть еще часов шесть, прежде чем я вернусь.

– А потом взойдет солнце. – Би оглядела лежащий перед ними поселок. – Они... кого она воспитала, Джон? Кто они... ей?

– Дети.

– Как и мы, Джон, ты сам сказал – нас она тоже считает детьми. Но этих – что она делала с ними, прежде чем отпустить? Что они должны сделать с нашими городами и Крепостями? Они вроде Сломанной Маски – могут что-то подобное?

– Они не похожи на него. – Риордан медленно прошел вперед, остановившись рядом с Би. – И я мог бы долго объяснять тебе, что в них особенного, но гораздо проще будет, если ты сама спросишь у них. С утра, когда кто-нибудь проснется.

Би взглянула на Мириам, которая стояла рядом с Арго, закрыв глаза.

– Ты увидела что-то?

– Здесь красивые огни. – Мириам повела плечами. – Я вижу обиду, но не вижу злости, и все такое яркое. Им снятся сны, и некоторым, похоже, одинаковые. Это люди, но не совсем такие, как мы привыкли. Не такие, как в Хоксе.

– Другие?

– Не испуганные, не голодные. Смелые, и открытые, как будто... как если бы на это селение действительно никогда не нападали. Как будто они выросли в другом мире.

– Я спрошу их об этом... утром. – Жестко сказала Би, и смех Вероники, легкий, как шелест ночного ветра, стал ей ответом.

– Что смешного? – Удивилась Мириам.

– Ее страх. – Голос Вероники звучал справа, из воздуха, и Би повернула голову, словно собираясь возразить, но ничего не сказала. – Она боится этого места, потому что твои слова задели ее мечту. Мир и покой, которых не может быть. Ради которых она готова умереть на воротах этого места, даже если ее никогда не пустят внутрь.

– Хочешь меня разозлить? – Тихо спросила Би.

– Нет, просто... я тоже его боюсь.

Интермедия III.

Пахло клубникой.

Он ел клубнику только однажды. Красная мякоть, прячущаяся под зелеными листьями, белые пластины вместо неба, и вода, капельками оседающая на щеках. Жаркий туман. Теплица – так зовется это место, а красное, со сладким и кислым запахом, она называет клубникой.

– Ричард. – Говорит мама. – Не копайся в земле.

Земля – это черный песок, который пахнет водой. Все здесь пахнет водой, так, что трудно дышать. Воздух забивается в нос, и в рот, воздух с запахом клубники, плотный и теплый, как вода. Он делает полный вдох, и захлебывается, пытаясь кричать.

– Ричард!

– Мама!

Что-то надулось и лопнуло на губах, как молочная пленка. Он барахтался и тонул в молоке, ударяясь о гладкие стенки. Неужели кто-то бросил его в баллон с молоком, пока он спал? Белое заливало глаза, пузыри лопались на губах, и пахло клубникой, все сильнее. Он кричал, просил выпустить, а стенки были твердыми, и отзывались на удары как дерево – будто у бочонка.

А потом молока сразу стало меньше. Он открыл глаза, и свет, слишком яркий, ярче дневного, брызнул ему в глаза.

Белая пленка снова вздулась и лопнула на губах. Он смотрел в мутное окошко – в ту самую стенку, которую так и не смог поцарапать, прозрачную, залитую белой жижой, пахнущей, как клубника. За окошком шевелился кто-то огромный – нет, огромным была его тень, а на окошко легла его ладонь... маленькая ладошка. Рок понял это, потому что она была меньше его ладони, которой он уперся в стенку со своей стороны.

Ладошка хлопнула по ней два раза, затем убралась, и что-то зашипело сбоку. Стенка поехала в сторону. Рука Рока провалилась навстречу свету, и он сообразил, что лежит на спине, просто в голове все перевернулось. Яркий светильник заставлял щуриться. Он

приподнял голову, рассматривая бочонок, в котором лежал превратившийся в полуоткрытое корыто, заполненное белой жижой с запахом, который он слышал во сне. Рок был совершенно голым, на его теле медленно лопались белые пузыри. А рядом стоял маленький Тони, тоже облитый белым, и улыбался соседнему бочонку, не открытому, в котором тоже что-то вяло шевелилось.

Рок повернул голову, и чихнул, остатки жижи брызнули из носа. Крышка бочонка, отъехавшая в сторону, оказалась слева. Он ухватился за край стенки справа, неожиданно мягкий под пальцами, будто что-то живое, и сел.

Яркие светильники, каждый с кулак размером, разбегались по всему потолку, перемежаясь с маленькими зелеными точками, гаснущими и разгорающимися, будто угольки. Под ними, на белом полу, были расставлены еще бочонки, много, в несколько рядов. Бочонки-кровати, в которых, слабо двигаясь в белой жидкости, спали люди.

Или просыпались?

Тони ухватил его за руку и потянул. Рок снова чихнул, перевалился через мягкую стенку, впившуюся в ребра, и упал рядом с ним, на такой же мягкий пол, поддавшийся под ногами. Белая жижа не оставляла на нем следов, мгновенно впитываясь, и Рок, недолго думая, вытер о него руки.

Тони, отпустив его, заковылял в сторону, и Рок с трудом встал, оглядывая комнату – нет, зал, размером с небольшой дом. Кроватей-бочонков оказалось много, они стояли в несколько рядов, за которыми виднелись такие же белые стенки. С трех сторон, кроме одной, к которой сейчас и шел Тони.

Там, вытягиваясь вверх и упираясь в потолок, возвышались прозрачные плиты, слегка выгнутые, отражающие свет ламп, образуя еще одну, зеркально-прозрачную стену. Тони подошел к ней, и замер, прислонив лоб к прозрачной поверхности. Рок фыркнул, запустил обе руки в волосы, выдавливая из них белую жидкость, снова вытер руки об пол, и пошел вслед за ним.

В мутном зеркале возникло и двинулось навстречу его отражение – бледное, маленькое, в белых потеках, с бело-черным вихрем на голове. Подойдя ближе, Рок скорчил рожу, и повернул голову, разглядывая синяк на левой щеке и виске – человек с черными глазами ударил его, когда нашел переговорник. Синяк казался совсем светлым, прячась под белым налетом, и Року стало интересно – сколько же времени прошло, пока они спали в этих кроватях.

Шагнув вперед, он, как и Тони, прислонился лбом к зеркалу, стараясь заглянуть внутрь. Или, скорее, выглянуть из белой комнаты.

В памяти всплыло что-то странное, связанное с белым цветом – высокий, невероятно высокий белый человек с короткими крыльями. Их выгнали из душного кузова кара, и несколько секунд Рок смотрел на него, снизу вверх, щурясь от солнца одним глазом – второй никак не хотел открываться.

За зеркалом не было ничего особенного – просто коридор. Прикрывшись ладонями от света, как Тони, Рок разглядел там ряд прозрачных дверей, в противоположной стене. Возле ближайшей двери что-то двигалось – человек в черном, опирающийся на странную изогнутую палку, и на стену, вышел оттуда, и встал, глядя прямо на Рока.

Тот присел, и тут же понял, что это бесполезно – стена же прозрачная. Человек поднял руку – толстую, с какими-то цветными штуками внутри, и погрозил Року пальцем.

Тони хихикнул.

По коридору прошел другой человек, в белом, и остановился рядом с первым. До Рока донеслись голоса, и он прислонился ухом к стене, прислушиваясь.

– ... в карантине. – Проговорил непонятное слово второй человек.

– Еще день. – Тоже коверкая слова, ответил первый. – Да я уже бегать могу!

– Ты бы видел, как тебя из комплекса вытаскивали – чуть ли не по частям. Еще пять часов в медбоксе Атланты, минимум.

– Да я видел, Клод... и что в этом такого?

– Где, интересно? – Второй человек повернулся и подошел к стене, заставив Рока отпрянуть. Его глаза скользнули по закрытым ложам, по мальчишкам – и вернулись к его спутнику, который неловко шагнул вслед за ним, опираясь на палку. – Говори свободно, здешние линии закрыты. Кому интересна осевая станция?

– Закрыты, говоришь? От кого?

– Даже от... него. – Тихо ответил тот, кого звали Клодом. – Особенно от него, Альмейде.

Второй только кивнул, и наклонился вперед, упершись рукой в стену, над головой Тони. Тот глядел на него снизу вверх и улыбался.

– А мы все же забрали их. – Проговорил он. – Разменяли четверых на пятнадцать.

– Я не предвидел...

– Не в тебе дело. Десант и нужен для драки. Та девчонка здорово нам показала, как нужно драться.

– Эти данные не попали в официальные сводки.

– Я попросил копию, как очнулся – и стер сразу, не хочу никого подставлять.

– Оператор Линг предоставила ее без возражений? – Улыбнулся Клод, и Альмейде нахмурился:

– Все-то ты знаешь...

– У меня были причины закрыть эту информацию.

– Я там был. Меня ты тоже закроешь?

Клод не ответил. Альмейде щелкнул по стеклу, перед носом у Тони, и тот рассмеялся.

– Обиднее всего. – Заговорил наконец Альмейде. – Что даже из записи я ничего не понял. Тип бронекomплекса неизвестен, характеристики неизвестны...

– Вы дрались не с бронекomплексом.

– А с чем?

– С чем-то большим.

– Ты о его пилоте, что ли?

– Я о том, кто управлял событиями. – Клод сосредоточенно смотрел перед собой, прямо на Рока. Тот отступил было от зеркала, потом нахмурился и показал ему язык. – Это не была случайность. Всегда важен тот, кто планирует.

– Да мы ничего не... – Альмейде осекся. Его кулак, вырастающий из толстой шпуковины, с мигающими огоньками, несколько раз сжался и разжался. – Хотя нет. Это же ты сказал, что мой взвод должен быть там. Восемь «Серафов» вместо двух. Ты знал?

– Догадывался...

– Ты знал?! – Альмейде ухватил Клода за ворот белой униформы, и развернул к себе. Тот не сопротивлялся.

– Можешь меня ударить. Здесь не ведутся записи, и тебе ничего не будет.

– Врезать, и все? Джонсон, Сергей, Гауди, Хаттори... четверо, Клод!

– Не ты ли сказал, что десант должен сражаться?

– Да как у тебя...

– Разведка боем на территории врага, Альмейде! Мы забыли, что такое война!

– Да ты даже не военный! – Альмейде оттолкнул его, и чуть не упал, забыв опереться на костыль. – Ты электропаук, что ты видишь, кроме своей паутины?! Мы для тебя – ничто, просто значки, верно? Ты сам мне это говорил!

– Все мы значки. – Клод разгладил униформу на груди. – И ты, и я. И у нас мало времени.

Альмейде отвернулся от него, сверху вниз глядя на Тони, и Клод, помедлив, продолжил:

– Ты покидаешь карантин со следующим шаттлом. У тебя миссия внизу, и мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

– Секретный брифинг? – Проговорил Альмейде, прислонившись лбом к стеклу. – У тебя появились секреты... от них?

– У всех есть секреты, верно?

– Ты лучше скажи мне. – Рукоять костыля указала на Рока. – Эта драка внизу была из-за них?

– Нет. Они ценны для программы, но нет... не из-за них.

– А эта... разведка, она удалась?

– Да. Об этом я и пытаюсь тебе сказать.

– Что я должен буду сделать?

– Захватить одного человека, и доставить его наверх.

– Пилота... той штуки? Того, кто...

– Нет. Скорее того, кто управлял всем этим. Мне сложно объяснить. Мы засекали рисунок магнитных возмущений, одним из источников которых и является твоя цель.

– Радиопередача?

– Нет, нечто другое, гораздо более сложно организованное. Я бы хотел объяснить, но и сам пока не очень понимаю, что это...

– Какая-то технология?

– Да. – Клод вздохнул. – Наверное, так сказать проще всего.

– И как мы его возьмем? Сбросим на него тридцать «Серафов»?

– У меня есть основания предполагать, что я обнаружил ключевые моменты... скачки напряжения, во время которых он будет не активен. Во время следующего такого скачка я дам вам координаты. Вы используете парализаторы, или усыпляющий газ.

– Но это... официально?

– Да, совершенно. Операция одобрена Конклавом.

– Тогда что же ты здесь делаешь?

– После захвата ты будешь сопровождать контейнер с пленным в спецбокс на «Эвридике». Только там есть соответствующее оборудование.

– В детском лагере, что ли? Ты серьезно? Что за оборудование – для обучения?

– Бокс для содержания и оборудование для допросов. – Клод кивнул на прозрачную стену. – Вроде этого места, только техника немного другая.

В зале за спиной Рока что-то зашипело, и он обернулся.

Шевеление в боксах усиливалось, а у некоторых уже отъезжали крышки, но те, кто лежал там, все еще не торопились выбираться.

– Для допросов? – голос Альмейде прозвучал глухо. – Зачем оно там?

– Догадайся. У нас мало времени, шаттл сопровождения с «Эвридики» стыковался сразу

за мной!

– И что... что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Ты найдешь два контактных передатчика в своем компенсационном комбинезоне, перед миссией. Установи их в радиусе десяти метров от бокса.

– Куда?

– Закрепи на тыльной стороне дата-консолей, или у входа, за баллоном с герметизатором. Обязательно на металл, иначе они не смогут работать.

– Но зачем? У тебя же и так есть доступ к чему угодно.

– Не в этот раз, Альмейде, не в этот раз. Есть высокая вероятность того, что мы не узнаем ничего из того, что там произойдет.

– Это... трибунал.

– Да, но... разве ты тоже не хочешь узнать?

Альмейде медленно приложил ладонь к стене, и Тони, потянувшись, точно так же приложил свою маленькую ладошку напротив.

– Помнишь, ты спросил меня... – Почти прошептал Альмейде. – Насчет этого чувства... что кто-то смотрит.

– Да. И я знаю, что ты мне солгал.

– И ты знаешь, что иначе нельзя было.

– Да.

– Оно странное, это чувство. Будто ты совсем маленький, на ладони у чего-то здорового, и оно смотрит на тебя. Слышишь, Клод? Оно, гигантское как планета, и теплое... не враг. Это и есть твои магнитные возмущения?

– Я думаю, что да.

– Тогда там, внизу, все пошло чертовски не так. Мы... не должны были стрелять. Оно не было врагом, и мы делаем все неправильно, Клод.

– Но есть только один способ узнать. Ты сделаешь это, и мы узнаем?

– Или испортим все... испортим так, что уже не исправить. Не боишься?

– Боюсь. – Ответил Клод.

Что-то свистнуло в глубине зала, и Рок кинулся под ближайший бидон, чтобы укрыться. В дальней стене возникло истекающее светом отверстие, в которое медленно вошли три человека в белом – высокий юноша, с виду года на четыре старше Рока, и две девушки.

– Пробуждение не синхронизировано? – спросил юноша, и указал в зал, видимо на пустые бидоны. Его странный акцент был гораздо менее заметен, чем у тех, кто стоял за стеной, даже несмотря на непонятные слова.

– Так всегда. – Ответила одна из девушек, такая же длинная, как парень. – Биохимия у всех разная, сам знаешь. Дезактивация прошла, и ладно. Все равно фонить будет.

– А что там за ангелочки за стенкой? – Спросила вторая девушка, и помахала рукой Альмейде.

– Это десантник, из лазарета, тоже на дезактивации. – Отозвалась вторая. – Тебе к нему нельзя – он от твоего поцелуя засветится.

– А вроде я не знаю. Смотри, там кто-то прячется. – Девушка безошибочно указала в сторону Рока, выглядывающего из-за бидона с какой-то девчонкой, слабо шевелящейся в белой жиже. – Эй, выходи, мы тебе ничего не сделаем.

– Мы друзья. – Юноша шагнул вперед, выставив перед собой пустую ладонь. – Мы отвеем вас домой, и накормим.

– Мой дом не здесь. – Отозвался Рок, и выпрямился за бидоном. Стоять голым перед девчонками было стыдно, но он только крепче стиснул зубы. – Меня забрали рейдеры, и его тоже.

– Мы знаем. – Мягко произнесла первая девушка. – Нас тоже когда-то забрали. Это тоже дом. Пойдем с нами, и мы тебе все объясним.

– А если я не хочу? – Спросил Рок.

– Отсюда не убежать. – Ответил юноша. – Некуда, а главное – незачем. Ты среди друзей, мы все здесь такие же, как и ты.

– Это какие? – С подозрением спросил Рок, и скосил глаза на Тони, неспешно проковылявшего мимо.

– Чужие. – Сказал юноша серьезно, и Рок нахмурился еще больше – в этом ответе было нечто, заставляющее ему верить.

– Нам нужно держаться вместе. – Продолжил юноша. Что-то всхлипнуло перед Роком – девчонка в бидоне пыталась сесть, захлебываясь белой жижей.

– Помоги ей. – Сказал юноша. – Теперь она твоя сестра.

– Какой милый. – Сказала вторая девушка, глядя на Тони, вплотную подошедшего к юноше. – Такой маленький... как тебя зовут?

– Он не... – Рок запнулся, удерживая девчонку за скользкое белое плечо. Та громко чихнула, и он не услышал, как Тони, подошедший к юноше, и ухватившийся за пояс его комбинезона, тихо и картаво произнес:

– Я Тони. Здравствуй, брат.

Глава III.

Интермедия IV.

Ихан передал бинокль стоящему рядом мальчишке, и присел на обломок стены из серого кирпича. Когда-то она разделяла большую комнату пополам, а сейчас от нее осталось лишь возвышение между бетонными блоками, открытое небу. Крыши давно не было, остатки верхнего этажа лежали внизу, у подножия холма, окружавшего древние развалины. Это место было всего лишь очертаниями себя прежнего, контуром, тем не менее дающим некоторую защиту от ветра, песка, и чужих глаз.

Ихан задумался, глядя в окно. Вспоминая картинку, только что увиденную в бинокль, и обеспокоившую его не на шутку.

Всего лишь один человек.

Бронированный военный кар, отливающий синим в свете зари, небольшой, на пару человек. И он, спокойно сидящий на капоте, посреди развалин, под прицелом двух ракетометов и десятка игольников. Черная форма, бледная, не загорелая кожа.

– Сколько он идет за нами? – Спросил Ихан.

– Заметили вчера вечером, держался далеко. Ты сказал не трогать. – Ответил Самрил, стоящий позади, за возвышением.

– Сколько еще до подхода сотен Кико и твоего брата? Сутки?

– К темноте будут. Кико со Змеями на бетоне зацепился, но разошелся. Четверых оставил.

– Не вовремя. Либо дурак, либо посланец. – Задумчиво проговорил Ихан. – Дурак бы

столько за нами не тянулся. Сходить к нему, что ли? Что думаешь, а?

Он положил руку на голову мальчишки с биноклем, и повернул к себе, разглядывая свежие шрамы на его щеке.

– Он... чудной. – Помешкав, ответил тот. – Не двигается почти, вроде и не дышит...

– Чудной. – Повторил Ихан. – Чудных не люблю, люблю понятных. Брони на нем нет, вот что. И оружия нет, на виду. Плохо это.

– Пристрелить? – Спросил Самрил. – Или кар ему сжечь?

Ихан нахмурился, затем извлек из кармана на поясе новенькую блестящую гарнитуру, похожую на изящное металлическое насекомое, и закрепил на ухе.

– Эй, всезнайка. – Позвал он грубо. – Ты там?

– Я всегда здесь. – Отозвался в гарнитуре голос со странным выговором.

– Что думаешь про этого типа, что тут перед нами стоит?

Голос немного помедлил с ответом.

– Ничего о нем не знаю.

– И что, ничего не посоветуешь?

– Беги. – Гарнитура щелкнула, отключаясь. Ихан снял ее с уха, и несколько секунд с недоумением рассматривал.

– Ну уж нет. – Он спрятал гарнитуру и наклонился к мальчишке. – Сходить к нему нужно, поговорить. Может он и правда посланец. Сходи, тигренок, узнай для старого Ихана, что этому чудаку нужно.

Мальчишка быстро кивнул, зная, как опасно медлить в таких случаях. Ихан с Самрилом смотрели, как он спрыгивает с края бетонной плиты, и скользит вниз по склону, поднимая пыль, спотыкаясь о мелкие обломки.

– Если этот выкинет что-то странное – стреляйте. – Сказал Ихан. – Сожгите к чертовой матери вместе с каром, прежде чем дернется.

Песок проседал под ногами.

Песчаная яма, окруженная развалинами домов, притягивала ветер, гуляющий по кругу, поднимающий песок, делающий его рыхлым. Прошлой ночью маленький Тигр видел это сам. И теперь, спотыкаясь, шел в самую середину этого места, а незнакомец смотрел прямо на него – светлыми, серо-зелеными глазами, с какими-то странными, мерцающими искрами в глубине.

Мальчик подошел к нему на пять шагов, и тот наклонил голову, показывая, что это достаточно близко. Он был бледен, словно его кожа давно не видела солнца – белое худощавое лицо, коротко стриженные черные волосы и такой же черный комбинезон, похожий на военную форму.

Мальчик глубоко вздохнул, собираясь заговорить, но незнакомец остановил его коротким небрежным жестом.

– Почему Ихан не пришел? – Голос звучал тихо, но было в нем нечто такое, что мальчику немедленно захотелось убежать. – Стал осторожен? Это купит ему пару минут.

Мальчик бросил взгляд вправо и вверх, туда, где среди развалин всю ночь скрывались два ракетометчика. Незнакомец улыбнулся, криво, краешком рта. Улыбка заставила сузиться его глаза, и сделала заметным бледный шрам, бегущий по его щеке и лбу, вертикальную полосу, разделяющую пополам левую бровь и глазницу.

– На что старику эти минуты? – Спросил он, и в его руке появился маленький игольник,

ниоткуда, будто из воздуха. – Как бы ты их потратил?

Маленький Тигр отступил на шаг. Там, куда он смотрел секунду назад, полыхнула знакомая неяркая вспышка ракетного залпа, и мальчик наклонил голову, как делал всегда, с самого раннего детства, в ожидании удара. Но человек, сидящий на капоте, внезапно изменил положение, перебрасывая оружие под локоть левой руки.

Хлопок выстрела утонул в грохоте – две ракеты взорвались в развалинах, едва покинув трубы ракетометов, одна за другой. Стена, прикрывавшая стрелков, рухнула вниз, опрокинутая валом горячего воздуха и песка, бетонные осколки брызнули в стороны, усыпая песчаную яму, и окружающие ее руины. Незнакомец развернулся, спрыгивая с капота, и выдернул из держателя, расположенного где-то в кабине, короткий прямой меч.

– Подумай над моим вопросом. – Бросил он, и, нырнув вправо, прямо в песчаный вихрь, стремительно побежал вверх по холму, используя осколки стены как ступеньки.

Ихан отскочил от окна. Тигр, вставший туда вместо него, поднял игольник, отслеживая движение в развалинах справа – и внезапно опрокинулся назад, разбрасывая алые брызги. Игла, пробив прицел, попала ему в глаз.

– Назад! – Прохрипел Самрил, указывая на пролом в противоположной стене, но Ихан покачал головой.

– От тигра не убежишь. – Он достал из потертой кобуры игольник, и проверил счетчик зарядов. – Ждем, он сам придет.

Лабиринт из фундаментов и стен с остатками окон, в который время превратило окружающие дома, плохо просматривался сверху. Мелькали головы Тигров, бегущих через развалины, чтобы занять позиции перед укрытием Ихана. Справа несколько раз хлопнул игольник, один из бегущих оступился, и покатился вниз по склону, разбрасывая песок. Игольники Тигров захлопали в ответ – с такого расстояния Ихан видел даже искры, вылетающие от ударов игл о бетон. Тигры стреляли через остатки окон и дверные проемы куда-то вправо, где, среди груд битого кирпича угадывалось движение. Но человек в черной форме появился левее – просто встал из-за бетонного блока, и несколько раз выстрелил. Игольники снова захлопали, но уже чуть реже. Незнакомец пригнулся, и нырнул дальше, не переставая стрелять, быстро, и словно бы даже не целясь, но когда он снова мелькнул в дверном проеме, совсем близко – никто уже не стрелял в ответ. Лабиринт в этом месте сходил к одной длинной и узкой комнате, пересеченной остатками стен. Скрывавшиеся здесь пять или шесть оставшихся Тигров кинулись на него со всех сторон. Снова захлопал игольник – человек в черном завертелся, перескочив через низкий участок стены, блеснула тонкая алая полоска клинка, описывающая стремительные круги. Ихан привстал, лоя незнакомца в прицел, но тот уже вертелся в противоположном направлении, отбрасывая от себя Тигров и уходя еще ближе, под стену. Оставшиеся Тигры кинулись за ним, один сразу же отлетел назад, словно кукла с наполовину перерезанной шеей. Еще два раза хлопнул игольник. Самрил, выглядывающий из соседнего окна, прошипел что-то и неловко поднял лежавший рядом с ним ракетомет, наводя его на неровный выступ лестницы, ведущей вниз.

Ихан отскочил в сторону, чтобы не попасть под удар реактивной струи – и в этот момент человек в черном влетел в оконный проем за спиной у Самрила. Дуло маленького игольника взглянуло на Ихана, а Самрил не успел даже обернуться – узкое лезвие вонзилось сзади ему в шею. Бледный незнакомец коротко повернул меч и выдернул, держа Ихана под прицелом. Словно ожидая, когда тот, наконец, поднимет свой игольник.

Ихан оскалился – ему было почти смешно. Он столько раз думал об этом моменте, что ситуация, никак не похожая на то, что он воображал, действительно могла показаться забавной.

– Может, ты все-таки посланец? – Спросил он.

– Посланец. – Согласился незнакомец, и опустил игольник к бедру, продолжая целиться в Ихана. Движение заставило разойтись края формы, лопнувшей у него на боку, обнажив путаницу белых шрамов, бегущих по ребрам. – Ищу глав Руки по приказу Короля Атланты.

– Посланец и только? – Ихан крепче сжал игольник, все еще смотрящий дулом вниз.

– Я Неро, Меч Короля. Послание, которое я тебе принес, можно передать одним словом.

– Одним... словом?

– Смерть.

Пальцы Ихана сжались на рукояти игольника – он успел вскинуть его, и даже выстрелить. Но человек, назвавшийся Неро, преодолел разделявшее их расстояние несколькими быстрыми шагами, в последний момент хлестнув мечом по вооруженной руке. Игла ушла в сторону, а тонкий клинок, изящно повернувшись, вонзился в грудь Ихану. Выпустив игольник, тот схватился за лезвие, уходящее все глубже.

– Почему ты не пришел раньше, ублюдок? – Прохрипел он, глядя в глаза Неро. – Пока я был... кем-то...

– Так было написано. – Ответил Неро, и повернул клинок. Затем оттолкнул заваливающееся назад тело, и выдернул меч. – Когда ты родился. Умереть здесь, от моего меча. Ты был только надписью на песке.

Он обернулся, и дуло его игольника легло на левое предплечье, беря на прицел остатки дверного проема и лестницы, ведущей вниз. Там стоял мальчик, встретивший его у машины.

Тяжелый игольник, видимо, подобранный с трупа, дрожал в его руках.

– Беги! – резко произнес Неро. – Почему ты сразу не убежал?!

Взгляд мальчика упал ему за спину, и внезапно отвердел. Дернулась щека с розовыми полосками шрамов, похожими на кошачьи усы.

– Не хочешь? Тогда подумай. – Неро не двигался. Капли крови, падающие с его клинка, мгновенно впитывались в песок, покрывающий пол. – Для него отсюда вел один путь, а для тебя все еще есть второй...

Игольник в руках мальчика перестал дрожать, дуло приподнялось чуть выше, слегка напряглось плечо правой руки, лежащей на рукояти...

Неро выстрелил первым.

Потом повернулся к окну, и посмотрел вниз – на тела, раскиданные среди обломков стен. С клинка продолжала стекать кровь, и он отряхнул его, резко и зло, будто устраняя досадную помеху. Тонкий шрам на его щеке и лбу проступил ярче, становясь из белого багровым.

– Ты поранился?

Девушка, сидящая на остатках стены за его спиной, светилась. Искрились длинные волосы цвета полуденного солнца, сверкал белизной летный комбинезон и невозможно светлая кожа.

– Нет. – Неро не обернулся. – Ни царапины.

– Не физически. – Девушка бесшумно приблизилась, и встала рядом с Неро, оказавшись такого же роста, как и он. Взглянув вниз, он без особого удивления обнаружил, что она не касается ногами пола, паря в нескольких сантиметрах над слоем песка.

– Неважно. – Проигнорировал он ее слова.

– Разве? – В ее голосе мелькнула нотка удивления. – Я вижу повреждение, вижу урон...

– Эмоции тебя не касаются!

– У предсказателей нет эмоций. Если твой разум можно ранить – то твое тело можно убить.

– Пусть попробуют. – Неро поднял руку, рассматривая прореху в форме. – Эта ткань не подходит для резких движений. Нужен другой комбинезон...

– Уходишь от разговора? Ты убил семнадцать человек, и одного ребенка. Твои мысли в смятении...

– Они не смогут сделать правильный выбор, даже если ткнуть их лицом в него. Я был уверен, что он убежит.

– Но он не...

– К черту такие предсказания! Нужно было оглушить его внизу, а потом оттащить наверх! Тогда, возможно, он остался бы жив, и его сожрали бы волки ближе к ночи...

– Ты и правда так полагаешь?

– Да! Нет. Не важно, это уже случилось. Что с твоими глазами? Ты разве не знала, что здесь, внизу, убивают?

– Всегда есть выбор...

– Какие мудрые слова, и как вовремя! У него был выбор – и что? Такой же, как у меня, когда я позволил хирургам Корпуса к себе прикоснуться...

– Ты считаешь, что допустил ошибку?

– Была изначальная вероятность, что Ихан выйдет ко мне. Я видел ее, в прошлом он частенько поступал так... безрассудно. Но пришел мальчик, и вероятности изменились. Предсказателям... видимо, предсказателям стоит сожалеть о своих поступках заранее, а? Ах да, я забыл – вас, Предсказателей, никогда не учили убивать...

– Верно. – Серебристые глаза смотрели на Неро в упор, и он отвел взгляд, снова разглядывая развалины. – Наверное, это слишком страшно, видеть все последствия своих действий, и сожалеть заранее. Видимо, поэтому из Предсказателей не делают оружие... не делали раньше.

Она исчезла в бесшумной серебристой вспышке, а Неро продолжал смотреть на развалины, переключив режим зрения на инфракрасный. Вокруг не осталось ни одного живого человека – только редкие тушканчики, птицы, и песчаные волки, почуявшие кровь за много сотен метров, и подбирающиеся со всех сторон.

– Ты не виновата. – Наконец тихо сказал Неро. – Ты пыталась помочь. А у меня нет оправданий. Но зато полно дел – вырыть небольшую могилу, отрезать этому старику палец, и выбрать следующую цель. Эй, Джесс, как насчет Феникс? Сумасшедшей Феникс? Что ты о ней думаешь?

Отвечать было некому, только в развалинах тихо шелестел ветер.

– Вот так всегда. – Неро убрал игольник в незаметную кобуру на поясе, за спиной, и склонился над трупом Ихана. Гарнитура в пояском кармане привлекла его внимание, он аккуратно извлек ее, и поднес к уху.

– Слышишь меня? – Спросил он, но гарнитура не отозвалась. – Я – то самое оружие, которое вы нам дали, и в этом есть определенная ирония, ты не находишь? Старик больше не будет выполнять твои приказы – он умер. Передай Феникс, что она будет следующей. Пусть бежит – потому что ей не помогут твои контейнеры, и те советы, которые ты нашепчешь в ее

уши. Я не могу уничтожить тебя – но ведь если сломать человеку руки, то он не сможет драться, верно? Считай, что сегодня я отрезал тебе первый палец...

Неро уронил гарнитуру, и, наступив на нее, раздавил.

– Первый. – Повторил он. – Но скоро будут еще...

I.

Ее волосы пахли дымом и специями.

Губы сонно раскрылись, отвечая на поцелуй Мириам, тонкие пальцы скользнули по щеке – легко, словно прикосновение крыла мотылька. Мириам продолжала целовать ее – в щеку, хранящую отпечаток подушки, в чувствительное место на шее, под которым, легко ощутимая, билась теплая жилка. Она издала странный звук – то ли застонала, то ли хихикнула, и выгнула спину, так что ее маленькая твердая грудь легла в ладонь Мириам. Та целовала ее, опускаясь все ниже, ощущая под своими губами кожу, горячую после сна, и нежную, как цветочный лепесток. Лаская ее плоский живот, с изящной впадинкой пупка, и внутреннюю поверхность тонких бедер, раскрывшихся навстречу ее прикосновениям...

...и внезапно вскочила, на секунду потеряв ориентацию. Звонкий удар головой о металлические крепления верхней койки вернул ее в реальность. Она упала обратно, в свою постель, мокрая от пота и задыхаясь от стыда, залившего ее жаркой волной.

Сон, который она видела, был чужим.

Она знала это, потому что была в нем не собой – другой девушкой, которой нравилось прикасаться к своей подруге. Ее чувства все еще жили внутри Мириам, затмевая даже боль от удара, и были совершенно инородными, заставляя сердце биться сильнее, а тело – паниковать, отторгая их.

– Чувствительная. – Прошептала она, задыхаясь, и хихикнула. Сломанная Маска не успел предупредить ее, что возможны и такие последствия. Звук собственного смеха заставил ее смутиться еще больше – слишком он был похож на звуки, издаваемые той девушкой, когда ее ласкали.

– Это не я. – Прошептала она, как можно более уверенно. – Совсем даже не я!

И посмотрела вверх, туда, где на верхней койке должна была спать Би. И наверняка проснуться, от удара снизу и шепота, звучащего в тишине маленького домика громче любого крика.

Но Би там не было, и Мириам с облегчением перевела дыхание.

Рассвет уже заглянул в пару квадратных окошек, закрытых мутным стеклом, окрашивая помещение бледно-розовым: странная двухэтажная койка, на которой лежала Мириам, стол, пара табуретов, шкаф, рюкзак у койки, и вещи, сложенные на нем – видимо, ей все же хотелось спать.

Тогда, не сейчас – теперь при мысли о том, чтобы опять заснуть в этом месте, ей становилось стыдно.

Она все еще чувствовала, как продолжается чужой сон – дрожащий за стенами домика вместе с десятками других снов, словно подвешенный в воздухе на невидимом полотне, протянутом между вырастающими из земли антеннами. Кроме снов, в воздухе было еще много всего – какие-то воспоминания, образы и большие картины. Мириам знала, что до любого из них можно дотронуться, если очень захочется.

Она решительно отбросила одеяло, и принялась одеваться. Би наверняка ушла не просто так – имело смысл найти ее, а также воду, умыться, и приготовить завтрак. И забыть, наконец, то, что она видела – потому что не на все, что показывали антенны, стоило смотреть без спроса.

Домик, к которому их привел Риордан, располагался рядом с десятком таких же неказистых строений и россыпью длинных мерцающих антенн, у самого края бетонного поля под недостроенным зданием. Он крепился стеной к одной из свай – массивной, покрытой широкими трещинами, открывающими взгляду ее многослойные внутренности и штыри арматуры. Было светлее, чем сперва показалось Мириам – возможно, ее новое зрение просто позволяло видеть намного лучше. Рассвет едва теплился над краем песчаных холмов далеко впереди, и в прохладном воздухе далеко разносились ритмичные звуки.

Звук быстрых шагов и удар. Снова звук быстрых шагов... перерыв. И снова удар.

Источник звука она увидела сразу, как только обошла домик. У противоположного края бетонного поля, возле толстой сваи с раскрашенным деревянным щитом, прибитым на высоте трех метров, бегала Би. Бегала прямо по свае. Взбегала на несколько шагов, отталкивалась, и прыгала назад, каждый раз по-другому – оборачивалась, переворачивалась, перекатывалась. Взбегала выше, отскакивая все дальше, и разгоняясь перед следующим прыжком. К тому моменту, как Мириам подошла поближе, перейдя через поле, она уже отталкивалась от сваи высоко над ее головой, рядом со щитом, украшенным каким-то совершенно непонятным Мириам горизонтальным кольцом.

Портупея Би, с торчащим из кармана обломком навахи, покачивалась на штыре, вбитом в сваю на высоте около трех метров – видимо, она стесняла движения.

– Доброе утро. – Приветствовала ее Мириам, когда Би приземлилась рядом после очередного сложного прыжка, с двойным оборотом и кувырком. – Ты рано проснулась.

– Я не спала. Не смогла заснуть. – Голос Би прозвучал ровно, ее дыхание не сбилось. – Думала над тем, что изменилось во мне. Исследовала себя, проводила диагностику, смотрела. Потом поняла, что нужно пробовать, и вышла сюда.

– Ты высоко прыгаешь.

– Мне нужно еще выше. Узнать, где предел. Праймов обучают бою в экзоскелете, использовать преимущество в скорости и силе для того, чтобы маневрировать и атаковать. Но сейчас на мне нет экзоскелета, и это работает иначе – никакого железа, только мышцы, мое собственное тело, и что-то постороннее на микроуровне. Нечто такое, чего я просто не понимаю... мне не хватает знаний.

– Но это же... хорошо?

– Я не знаю, как это действует, и мне немного не по себе.

– Почему?

– Я думаю о цене, которую придется заплатить. Ничто не дается даром. – Би снова разбежалась, оттолкнулась от сваи, пробежала по ней несколько шагов, ухватилась за деревянный щит и забралась на него, усевшись на самом верху.

Резкий хлопок прозвучал за спиной Мириам, заставив ее обернуться.

От домиков, разбросанных у свай вдоль края поля, громко хлопая в ладоши, шла девушка – тоненькая, светловолосая. Ее короткая белая туника трепетала под утренним ветром, открывая стройные ноги в сандалиях, перевитых полотняными ремешками. В ее движениях, походке, наклоне головы Мириам почудилось нечто смутно знакомое. Как если бы, до того

как увидеть, она уже получила информацию о ней, множество подробностей: от размера обуви до любимых шуток.

– Вы прекрасно двигаетесь! – Крикнула девушка шагов с десяти, прекращая аплодировать. – Но неужели не нашлось места получше?

Она остановилась возле Мириам, рассматривая ее одежду. Глаза, светло-синие, с какой-то пронзительной, острой искрой, светились весельем.

– Это же баскетбольный щит. – Продолжала она, улыбаясь. – Акробатику у нас разучивают вот там, где песок...

– Разучивают? – Би мягко приземлилась между ней, и Мириам, спрыгнув с пятиметровой высоты. – Вы учитесь здесь?

– А вы разве не для этого пришли? – Веселье ушло из глаз девушки, сменившись тревогой. – Я вижу, как вы одеты... И вы тренированы...

– Джон вас не предупредил?

– Вы похожи на военных. – Тревога сменилась страхом. – Но этого же не может быть. Я видела эту форму, на записях. Так одевались сто лет назад.

– Форма старая. – Согласилась Би.

– Ничего больше не было. – Добавила Мириам.

Девушка тревожно улыбнулась.

– Шутите? Не во что больше, это значит, что... – Последние слова она произнесла уже гораздо тише, и не закончила фразу.

– Не бойся. – Би истолковала ее молчание по-своему. – Мы ничего тебе не сделаем.

– Я не боюсь. Разве что немного страшно стало, когда я вообразила...

– Что?

– Джон сказал, что кто-то придет из-под земли, и я испугалась, что он оживил мертвых. Что вы солдаты из тех времен, той войны.

– Он умеет оживлять мертвых? – Удивилась Мириам.

– Джон иногда рассказывает странные вещи, и я не понимаю, когда он шутит, а когда – нет. Но вы ведь живые, да?

– Насколько я знаю. – Согласилась Би. – А ты ждала нас?

– Ну да, сюда же не приходят... случайно. Я должна встретить вас, это моя обязанность – встречать новичков. Просто еще слишком рано, и я немного проспала...

Девушка растерянно замолчала. Ее цвета, необычайно яркие и четкие, были определенно знакомы Мириам – их структура, биение, оттенки.

Она взяла ее за руку, чувствуя, что прикосновение ее успокоит.

– Все хорошо. Меня зовут Мириам. – Она слегка сжала холодные пальцы. – А она – Ребекка... Би. А ты...

– Я Мари. Но, кажется, ты уже и так это знаешь. – Синие глаза расширились от удивления. – А я знаю тебя.

– Только не понимаю, откуда. – Призналась Мириам.

– Мы что-то разделили. – Задумчиво произнесла Мари. – Никогда не думала, что воины будут такими... талантливыми.

– Я не воин. – Удивилась Мириам. – А почему ты...

– Джон сказал, что придут воины из Большого Мира, чтобы защитить нас. Я знаю о воинах только из книг, и ты действительно... вы обе совсем другие. И еще тот человек, который с вами.

– Арго?

– Спящий в коттедже, рядом с нашим. Которому снятся страшные сны.

– Страшные сны? – С явной растерянностью переспросила Би, видимо, пытаясь хоть что-то понять из их разговора.

– Я старалась не смотреть. – Мари почему-то смутилась, и это не укрылось от Мириам. – Но иногда, особенно когда их кто-то усиливает...

– Усиливает кошмары?

– Да все подряд... – она оглянулась. От края поля к ним шла еще одна девушка – рыжая, в такой же белой тунике, но босиком. Заметив, что на нее смотрят, она подпрыгнула, и помахала рукой, отчего ее волосы, с вплетенными в них мелкими украшениями, взлетели, точно взрыв.

– Это Мона. – Мари выпустила руку Мириам. – Мы поможем вам устроиться. То есть что я такое говорю, вам совсем не нужно устраиваться, вы же...

– А вы кто? – С детской непосредственностью спросила рыжеволосая. Ее глаза оказались темными, а кожа, покрытая веснушками, была заметно светлее, чем у Мари. Остановившись рядом с ней, Мона слегка потянулась, отведя руки назад – и, глядя на изгиб ее тела под тонкой тканью туники, Мириам вдруг поняла, откуда оно ей знакомо, так отчетливо, что была вынуждена отвести взгляд.

Когда она, спустя целую вечность, полную смущения, подняла глаза, обе девушки смотрели только на нее.

– Это Мириам. – Представила ее Мари. – Она чувствительная... очень. Догадайся, что мы разделили с ней этим утром?

Цвета рыжеволосой вспыхнули, и секунду спустя на ее щеках загорелся румянец – яркий, заставивший раствориться многочисленные веснушки.

– Я... не подумала. – словно извиняясь, выговорила она. Ее пальцы рассеянно пробежали по пряди волос на груди, задержавшись на одном из украшений – маленькой человеческой фигурке из медной нити.

– Это было очень ужасно?

Мириам не сразу поняла, что девушка обращается к ней.

– Скорее... неожиданно. – Ответила она, с трудом подбирая слова. – А потом я проснулась, и немного ударила головой...

– Да? – Еще больше смутилась рыжеволосая, отчаянно теребя украшение. – И сразу все забыли, правда?

– Эээ... нет.

– Но это же не было плохо? – На этот раз она обращалась к Мари. – То есть, нам же было хорошо, всем... троем.

– Это тебе не представление! – Возмутилась та. – Я не знала, что ты показываешь кому-то. И она не знала...

Би, молча наблюдающая за этой сценой, вопросительно взглянула на Мириам.

– Я и правда не поняла. – С трудом выговорила та. – Я думала, что это мне снится.

– Не такой уж и плохой сон... – Смущенно проговорила Мона, и Мари тут же ткнула ее кулаком в бок:

– Это уже переходит всякие границы. Может стоит извиниться?

– И правда. Простите меня, пожалуйста. – Рыжая грациозно присела в каком-то странном поклоне. – Я постараюсь не делать так больше.

– Ну, ничего же страшного не случилось. – Мириам улыбнулась, стараясь приободрить ее, и Мона блеснула улыбкой в ответ, не поднимая глаз:

– Возможно, в следующий раз вы не ударитесь головой... ой... – Мари опять ударила ее в бок, и произнесла извиняющимся тоном:

– Это была шутка!

– Я поняла. – Мириам, совершенно не понимающая, как вести себя с этими девушками, рассмеялась. – Но лучше бы вы сделали что-то со снами Арго, когда ему снится что-то плохое.

– Арго – это тот, который спал с другой стороны? – Уточнила Мона, выпрямляясь. – Я бы не хотела ничего ему показывать. Он меня пугает.

– Он кажется страшным, если не знать его. – Не согласилась Мириам. – А ты тоже встречаешь новичков?

– Да, иногда, когда у Мари хорошее настроение. Она считает, что я на них плохо влияю. Но я никогда еще не видела новеньких, которые так одеты.

– Потому что они... – начала было Мари, но Мириам прервала ее:

– Тогда, может, вы покажете нам, где тут можно умыться?

Девушки переглянулись.

– Конечно. – Кивнула Мари. – Простите, что я сразу не догадалась. А вы поделитесь с нами своими планами?

– Мы пока не очень... – растерялась было Мириам, но в ее голове внезапно что-то щелкнуло, будто проскочил электрический разряд.

– «Если Джон был прав, у нас почти нет времени.» – Произнесла Би беззвучно. Не словами, а гораздо быстрее, как если бы вся фраза была картинкой, сжатой и уместившейся в один короткий звук. – «Я хочу знать, как защищать это место.»

– «Спросить у них?» – Ответить оказалось очень просто, Мириам будто подмигнула в ответ, только движение ресниц заняло бы гораздо больше времени.

– «Не похоже, что они могут знать. Я вообще не понимаю, о чем вы говорите. Но у тебя, кажется, получилось с ними поладить. Узнай, сколько их, чем они здесь занимаются, и что умеют.»

– «А ты?»

– «Я займусь разведкой. Посмотрю на это все сверху.» – Последняя фраза включала в себя электронный образ недостроенного здания, возвышающегося над головой Мириам, тонких досок, переброшенных между перекрытиями, и самодельных лестниц, соединяющих горизонтальные балки. – «Туда уже кто-то забирался, и я осмотрю этот... Нексус.»

– «Тогда я пройду с ними, поговорю, узнаю сколько их, где здесь вода и еда.»

– ... понимаем. – Закончила Мириам вслух прерванную фразу.

– Хорошо. – Вслух ответила Би, и это слово показалось Мириам медленными, и огромным, словно облако. – Я буду наверху.

– Опять? – удивилась Мари.

– На этот раз еще выше. – Улыбнулась Мириам. – Ну что, пойдём?

Она посмотрела вслед Би, уже пересекающей угол бетонного поля по направлению к ближайшей лесенке, ведущей на то, что должно было стать балками первого этажа – и заметила все еще висящую на свае портупею.

– «Твой нож!»

Би обернулась.

– «Захвати с собой, ремень неудобный, может лопнуть.»

– «Но он высоко.»

– «Не для тебя.»

Би направилась дальше, а Мириам оставалось только кивнуть, и подойти ближе к свае, чувствуя на себе взгляды девушек, один удивленный, а другой – любопытный, изучающий.

– «Да, не так уж и высоко.» – Подумала она, проведя языком по губам. – «Где она отталкивалась ногой? Если встать вот сюда, а потом сильно-сильно прыгнуть...»

[Купить полную версию книги](#)